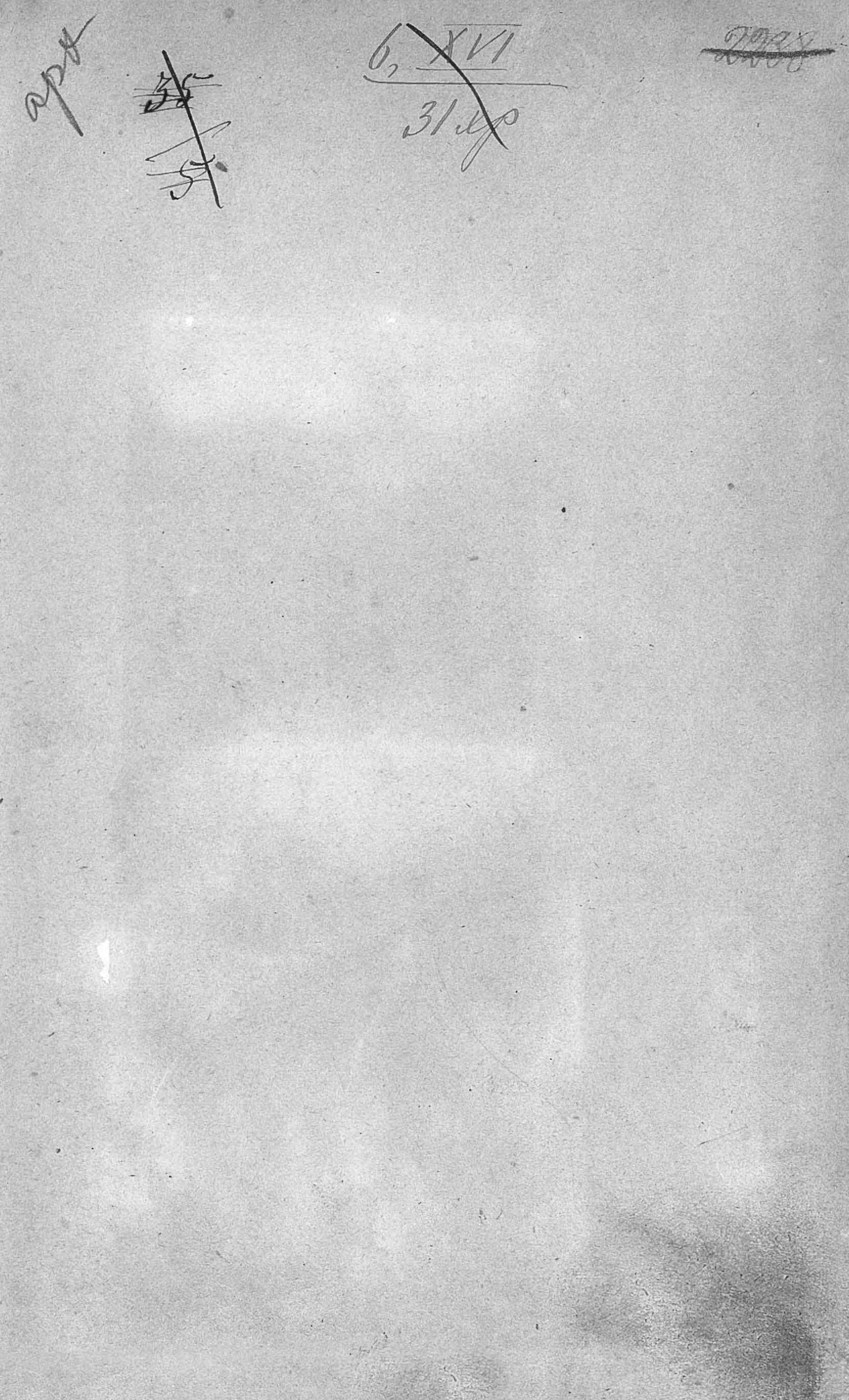

39.
№ 6
35
Кl
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока
3 к. 1150

-٩٥-

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
КАРАМЗИНУ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ,

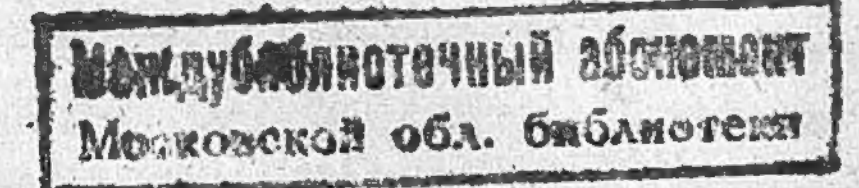
ПРИ ОТКРЫТІИ ЕМУ ПАМЯТНИКА,

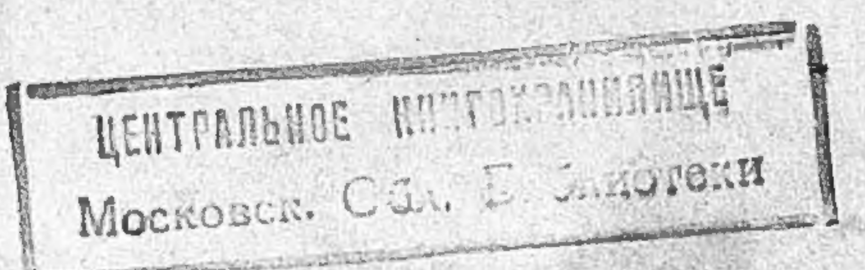
въ Симбирскѣ, Августа 23, 1845 года,

ВЪ СОБРАНІИ СИМБИРСКАГО ДВОРЯНСТВА,

Академикомъ М. Погодинымъ

МОСКВИТЯНИНЪ.

1846.

№ 1.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАРАМЗИНУ.

Вызванный Вами, Милостивые Государи, принесть должную дань хвалы трудамъ и заслугамъ знаменитаго согражданина Вашего, Исторiографа Россiйской Имперiи, Николая Михайловича Карамзина, при открытiи ему памятника, первымъ долгомъ почитаю засвидѣтельствовать Вамъ глубочайшую мою благодарность за предоставленiе мнѣ высокой чести быть Вашимъ органомъ въ этотъ торжественный для всего отечества день.

Счастливымъ себя почту, если успѣю сколько нибудь оправдать Вашу столь лестную для меня довѣренность, исполнить хоть отчасти долгъ,

лежащій уже давно на всѣхъ служителяхъ Русскаго слова, и представить въ ясномъ по возможности свѣтѣ предъ взорами соотечественниковъ высокое значеніе тѣхъ мирныхъ подвиговъ, за которые нынѣ скромный писатель удостоивается высочайшей гражданской почести.

Отечество не видало Карамзина на полѣ брани, исторгающаго вѣнокъ побѣды изъ рукъ непріятеля; имя его не читалось въ заглавіи трактатовъ, принесшихъ въ даръ Государству новыя области; ему не принадлежитъ никакихъ уставовъ, коими назначается образъ дѣйствія для цѣлыхъ поколѣній; онъ не возбуждалъ и не укрощалъ народныхъ движеній на площади; его рѣчей не слыхать было въ собраніяхъ Царской Думы; казна Государственная не получила отъ него никакихъ приращеній; онъ не произносилъ приговоровъ о жизни, смерти и благосостояніи гражданъ; онъ не служилъ...

Сорокъ лѣтъ провелъ онъ тихо, съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ, въ четырехъ стѣнахъ тѣсной комнаты, среди книгъ, рукописей и ветхихъ хартій древности, вдали отъ людей, вдали отъ поприща дѣйствій, между типографіей и книжной лавкой...

Что же онъ сдѣлалъ такое? Почему воздвигается ему памятникъ? Какія права имѣетъ онъ на эту награду? За что долженъ кланяться ему народъ?..

Да, — Карамзинъ не рѣшалъ судьбы сраженій, но рѣшалъ мудреныя задачи нашего Государственнаго бытія, кои важнѣе всѣхъ возможныхъ побѣдъ въ мірѣ.

Да, — Карамзинъ не распространялъ предѣловъ Имперіи, но распространилъ предѣлы Русскаго языка, въ коемъ хранятся опоры могущества, самыя твердыя, залоги славы, самой блистательной.

Онъ не открывалъ новыхъ источниковъ доходовъ, но открылъ новые источники наслажденій въ сердцѣ, чистыхъ, прекрасныхъ, человѣческихъ, которыхъ нельзя замѣнить, нельзя купить никакими сокровищами древняго и новаго свѣта.

Онъ не сочинялъ законовъ, но внушалъ къ нимъ уваженіе, и училъ жить такъ, чтобы никакихъ законовъ людямъ не было нужно.

Онъ . . . но я удержусь исчислять впередъ его дѣйствія, и скажу только, что десять разъ линіи границъ политическихъ скруглятся или выпрямятся; сто побѣдъ одержится новыхъ и тысяча прежнихъ обветшаетъ и предастся забвенію; многія иныя племена и народы войдутъ въ емкій составъ Русскаго Царства; самые законы измѣнятся въ своемъ духѣ, вмѣстѣ съ характеромъ подчиненныхъ имъ народовъ, но живыя сѣмена добра, любви и науки, разсыпанныя щедрой рукою даровитаго писателя, по всему неизмѣримому пространству Россіи, отъ западныхъ предѣловъ Польши до Сѣверной Америки, и отъ полярныхъ снѣговъ Финляндіи до высотъ Ноева Арарата, эти сѣмена будутъ безпрерывно рости, будутъ безпрерывно цвѣсти, и приносить сторицею благіе плоды, кои въ свою очередь сдѣлаются сѣменами, не переставая питать тысячи и тысячи людей благородною пищею. Много переворотовъ, бурныхъ или мирныхъ, какъ то

угодно Богу, испытаетъ нашъ народный бытъ, но потоки сладкой рѣчи, изъ златыхъ устъ изліявшіеся, будутъ течь безостановочно чрезъ всѣ періоды и эпохи, всегда утоляя жажду, всегда освѣжая животворной влагой усталыхъ дѣлателей, каково бы ни было у нихъ различіе въ образѣ мыслей, взглядахъ и цѣляхъ. Творенія ума переживутъ побѣды, завоеванія, революціи, кодексы, хартіи, доставляя одинакія наслажденія людямъ всѣхъ званій, возрастовъ, состояній и мнѣній, равно любезныя и дорогія, во дворцѣ и хижинѣ, вельможѣ и отшельнику, юношѣ и старцу, дѣвѣ и матери семейства, безусловнымъ вѣрноподданнымъ вѣковъ прежнихъ и свободнымъ мыслителямъ новаго времени.

Честь вѣку, который начинаетъ различать существенное отъ преходящаго, отдавать должное достоинствамъ, хоть еще и по смерти, цѣнить вѣрнѣе дѣянія по мѣрѣ ихъ пользы для истиннаго человѣческаго счастія, который послѣ минутныхъ побѣдителей, часовыхъ завоевателей и ежедневныхъ законодателей, воздвигаетъ великолѣпные монументы настоящимъ благодѣтелямъ человѣчества, труженикамъ мысли и слова, этимъ нищимъ геніямъ, этимъ презрѣннымъ недавно еще обитателямъ чердаковъ и подваловъ, Гуттенбергу и Шиллеру, Франклину и Гете, Моцарту и Руссо. Честь вѣку, который вслѣдъ за Цицерономъ въ послѣдніе годы республики Римской, по покореніи всего извѣстнаго міра, восклицаетъ торжественно: » cedant arma togae ! «

Честь вѣку и слава Государству, въ коемъ, при настоящемъ случаѣ, всѣ сословія приняли съ одинакимъ жаромъ благой вызовъ, раздавшій-

ся первоначально на родинѣ великаго гражданина; слава Государству, въ коемъ самодержавный Государь и крѣпостной крестьянинъ съ одинаковой любовію принесли усердные дары въ вѣковѣчное свидѣтельство ихъ общей признательности.

А этотъ новый образъ мыслей, этотъ новый взглядъ на вещи, незнакомый нашимъ отцамъ, (скажу при всемъ почтеніи къ ихъ памяти), — ему положилъ основаніе также Карамзинъ, возвысившій санъ писателя своими трудами, успѣхами, отношеніями, своею жизнію, смертію, памятью, славою!

Но я отступаю отъ правилъ своего искусства, Милостивые Государи! Мнѣ хочется вдругъ передать Вамъ свои чувствованія: слова вырываются у меня, вопреки сдѣланному предначертанію. Судите сами: — могу ли я въ такомъ состояніи соображаться съ условными требованіями школы?

Вы ожидаете отъ меня панегирика? Нѣтъ, Милостивые Государи, я вижу теперь, что я не въ силахъ исполнить свое обѣщаніе. Осмѣливаюсь сказать еще болѣе: Карамзину не нужно никакого панегирика. Простое, вѣрное изображеніе его дѣйствій въ различныхъ сферахъ есть самое лучшее ему похвальное слово. Зачѣмъ прибѣгать къ пособію Риторики, съ ея общими мѣстами, преувеличеніями и украшеніями, если истины слишкомъ много, если правда можетъ даже показаться лестью. Позвольте мнѣ лучше пройти передъ Вами исторически, по порядку времени, изъ году въ годъ, все поприще дѣятельности Карамзина, представить въ совокупности всѣ труды его и ихъ благодѣтельныя слѣдствія, на-

помнить Вамъ о Вашихъ собственныхъ чувствахъ, привесть на память собственное Ваше воспитаніе, умственное и нравственное, жизнь Вашего сердца, Вашей души; и я увѣренъ, что ни для Васъ, ни для кого изъ нашихъ соотечественниковъ, послѣ этого воспоминанія не нужно будетъ болѣе никакого разсужденія, никакого объясненія, никакаго охвальнаго Слова.

Заслуги Карамзина относятся къ Языку, Словесности и Исторіи.

Въ какомъ состояніи находился Русской языкъ до Карамзина?

Русскій языкъ испыталъ въ царствованіе Императора Петра такую же революцію, какъ и прочія части Государственной машины: оковы Церковно-Славянскаго языка были свержены; введено въ употребленіе нарѣчіе собственное, разговорное; принято, вмѣстѣ съ вещами и понятіями, множество словъ иностранныхъ, Латинскихъ, Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ; эти три разнородные элемента: церковный, разговорный и иностранный, вступили между собою какъ бы въ борьбу, и произвели въ языкѣ совершенный хаосъ. Послушаемъ лучшаго грамотѣя этого времени, Министра Шафирова, въ его сочиненіи о войнѣ Карла XII:

«Всѣ письма болшая часть на нѣмецкомъ языкѣ штилизованы, и потомъ на иные языки въ Европѣ употребляемые, нарочно для внушенія всѣмъ перевожены и дивулгованы, дабы тѣмъ Его Царское Величество, яко начинателя противъ

Короны Шведскія войны предъ всѣмъ честнымъ совѣтомъ, въ тотъ концептъ, или мнѣніе привесть,»* и проч.

Ктобы могъ повѣрить, что изъ этихъ нестройныхъ, дикихъ сочетаній, могла когда либо произойти настоящая наша славная рѣчь!

Переворотъ Петровъ былъ однакожъ необходимъ и спасителенъ тѣмъ, что открылъ собственному языку свободное поприще для развитія. А злу, какъ оно ни было велико, могло помочь время,—и таланты, въ которыхъ, на потребу, Россія никогда не имѣла недостатка.

Тамъ, на берегу Бѣлаго моря, въ странѣ снѣговъ и мятелей, въ бѣдной рыбачьей хижинѣ, близь Холмогоръ, начинаетъ учиться грамотѣ взрослый крестьянинъ,** на котораго Русскимъ Богомъ возложено было преобразовать наше слово,—и чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ кончины Петра вотъ какіе гармоническіе звуки извлечены Ломоносовымъ изъ Петрова смѣшенія языковъ:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой ***.

Въ прозаической рѣчи Ломоносова отзывалось однако жъ гораздо болѣе чуждаго элемента: вос-

---

* Дедикація, или и проч. с. 33.

** Ломоносовъ родился 1711 года. При Петрѣ I ему было уже 14 лѣтъ

*** Первая строфа изъ первой оды Ломоносова 1739 г. См. во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій.

питанный на церковныхъ книгахъ, плѣненный красотами Славянскаго языка, въ изумленіи предъ знаменитыми памятниками древности, онъ подчинился невольно ихъ могущественному дѣйствію, и представилъ въ образецъ рѣчь слишкомъ искусственную. Прочтемъ его вступленіе къ Похвальному Слову Елисаветѣ:

«Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ который подъ благословенною державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея, покоящіеся, многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолъ восшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, въ которой и проч.

Потребно было новое усиліе, чтобы освободиться наконецъ и отъ классическаго вліянія, но преемники Ломоносова, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, увлеченные его примѣромъ, силою и славою, подражали только его круглымъ періодамъ, и не осмѣливались выступать изъ его заповѣднаго круга. Всякій чувствовалъ, что въ этой текучей, плавной, благозвучной рѣчи, есть что-то мертвенное, что отъ нея пашетъ какимъ-то холодомъ, что въ ней слышится что-то чуждое, лишнее, и чего-то не достаетъ; но чего именно — не постигалъ никто. Это было тайной генія!..

И вотъ 1766 года, Декабря 1-го, Симбирской губерніи, Симбирскаго уѣзда, въ селѣ Богородицкомъ, родился Карамзинъ, — черезъ годъ послѣ кончины Ломоносова, * какъ бы предназначенный тѣмъ же Русскимъ Богомъ продолжать Ломоносовское дѣланіе.

---

* Ломоносовъ скончался 1765 года.

Семнадцати лѣтъ, окончивъ слегка ученіе, вдохновенный своимъ геніемъ, убѣжденный другомъ, котораго судьба послала ему при первомъ вступленіи въ свѣтъ, * онъ началъ писать, — и вотъ рѣченіе изъ перваго его перевода:

Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна пребыть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы вмѣсто, чтобъ ходили повѣся голову....**.

Не слышители вы здѣсь, Мм. Гг, какихъ нибудь новыхъ звуковъ, которые заставляютъ васъ представлять будущаго преобразователя?

Нѣтъ, это птенецъ, едва еще оперенный, едва начинающій двигать слабыми крыльями.

Послѣдуемъ за нимъ въ его первыхъ опытахъ. Это вѣдь моменты въ Исторіи Русскаго языка, это вѣдь моменты въ Исторіи Россіи. Прочтемъ отрывокъ изъ Аркадскаго памятника, переведеннаго имъ на 20-мъ году въ Дѣтскомъ чтеніи:

«Я люблю утро: когда вдругъ всѣ поля, покрытыя мракомъ, въ чистѣйшемъ свѣтѣ представятся глазамъ нашимъ, когда дремавшая природа пробудится и снова придетъ въ движеніе, и все, на что ни взглянешь, оживетъ и возрадуется.....***.»

Здѣсь слышится что-то новое, пріятное; сердце чувствуетъ близкую перемѣну.

Да! Орелъ расправляетъ крылья, онъ ужъ хочетъ летѣтъ, и мы не поспѣемъ за его быстрыми

---

* Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

** Деревянная нога, идиллія Геснера, пер. съ Нѣм. 1782 г. Петербургъ.

*** Дѣтское чтеніе, въ части 18.

успѣхами: вотъ какое описаніе Рейнскаго водопада прислалъ чрезъ два года Карамзинъ изъ Швейцаріи:

«Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую пѣну. . . . *!

Припомните отрывокъ, вышеприведенный изъ Ломоносова, и сравните его съ описаніемъ Карамзина — какое различіе! Мертвое оживилось, холодное согрѣлось, чужое отсѣчено, недостающее найдено, искусственность замѣнилась природой.

Кто же показалъ неученому молодому человѣку этотъ новый путь? Какъ могъ онъ вдругъ постигнуть тайну, укрывавшуюся столько времени? Гдѣ нашелъ онъ образецъ этому неслыханному складу?

Гдѣ? Въ своемъ слухѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей душѣ. Онъ самъ, можетъ быть, не зналъ сначала, что пишетъ иначе, и что идетъ по другому пути; онъ не видалъ, куда придетъ, и приведетъ насъ съ собою, послушный единственно своему внутреннему голосу, увлекавшему его въ неизвѣстную даль!

Успокоившись, разсмотримъ, въ чемъ состояло, собственно, преобразованіе Карамзина.

---

* См. Письма Русскаго Путешественника, въ полномъ собраніи Сочиненій Карамзина, ч. IV.

Русскій умъ любитъ ясность; у него не достанетъ терпѣнія съ Нѣмцемъ дожидаться смысла до конца рѣчи, съ разу онъ хочетъ понять, въ чемъ дѣло, и ему тотчасъ послѣ имени нуженъ глаголъ. Карамзинъ и подалъ ему глаголъ, слѣдуя вообще въ порядкѣ словъ за естественнымъ развитіемъ мыслей. Что можетъ быть легче этого? Такъ всѣ загадки представляются легкими, когда отгаданы; но отгадываютъ ихъ только Ломоносовы и Карамзины.

Возвратясь изъ путешествія, Карамзинъ посвятилъ себя совершенно Словесности; впродолженіи пятнадцати лѣтъ онъ трудился неутомимо, писалъ, выработывалъ свой языкъ болѣе и болѣе, — и передалъ его наконецъ соотечественникамъ, которые до сихъ поръ имъ пишутъ.

Передать свой языкъ на многія лѣта народу.... и какому народу?... Милостивые Государи! Вы согласитесь, что мудрено пріобрѣсть честь блистательнѣе, оказать услугу важнѣе этой?

Но она тѣмъ не ограничивалась: Карамзинъ занимался языкомъ не отвлеченно, не въ особливыхъ рѣченіяхъ, не безъ связи съ содержаніемъ. Языкъ не былъ для него единственною цѣлію, а только средствомъ для сообщенія его мыслей.

Воздѣлывая языкъ, онъ творилъ, обогащалъ Словесность, и вмѣстѣ дѣйствовалъ на образованіе народа, на распространеніе просвѣщенія, заключая союзъ Словесности съ жизнію, прежде почти неизвѣстный.

До Карамзина предметы Словесности заимствовались по большой части изъ какого то міра иде-

альнаго, въ которомъ читатель принималъ условное участіе, какъ будто во снѣ, переселяясь туда на время чтенія, и возвращаясь немедленно къ дѣйствительной жизни съ одними безплодными воспоминаніями о разныхъ несбыточныхъ происшествіяхъ, искусственныхъ положеніяхъ и преувеличенныхъ чувствованіяхъ, кои приложить было не-куда.

Первымъ дѣломъ молодаго писателя было изданіе журнала.

Карамзинъ окинулъ проницательнымъ взоромъ состояніе современнаго общества, увидѣлъ тотчасъ, на какой степени оно стояло; рѣшилъ, — что ему на первый случай было необходимо, въ какомъ видѣ это нужное представить ему должно, и составилъ себѣ планъ.

Повѣсти, стихотворенія, извѣстія о зрѣлищахъ, русскихъ и иностранныхъ, съ замѣчаніями объ игрѣ актеровъ, разборы занимательныхъ книгъ, письма Русскаго Путешественника, — вотъ въ чемъ состояло содержаніе *Московскаго Журнала*. Ни малѣйшаго педантизма и учености, ни одной статьи сухой и тяжелой, языкъ общевразумительный и слогъ обработанный, тонкій вкусъ, соблюденіе всѣхъ приличій, — однимъ словомъ, это было легкое и пріятное чтеніе, умное и нескучное, какого никогда на Русскомъ языкѣ еще не бывало.

Важнѣйшею частію, лучшимъ украшеніемъ Московскаго Журнала были: *Письма Русскаго Путешественника*, коими Карамзинъ положилъ основаніе своей славѣ. Русскому обществу открылся какъ будто новый міръ. Европейскія Государства были посѣщаемы и прежде, но только лицами

высшаго сословія, которыя не умѣли передать своихъ ощущеній соотечественникамъ, или лучше не имѣли ихъ сами, довольствуясь сообщеніемъ другъ другу водевильныхъ куплетовъ и новомодныхъ покроевъ, и большая часть Россіи оставалась въ невѣдѣніи, что есть и дѣлается за границею. Карамзинъ первый описалъ живыми красками Германію, Швейцарію, Францію, Англію, состояніе земли, образованность жителей, успѣхи наукъ и искусствъ, изобразилъ великихъ писателей, имъ посѣщенныхъ, заставилъ полюбить ихъ, познакомилъ съ ихъ сочиненіями, возбудилъ вниманіе къ главнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда первые умы.

Присоедините къ этому пламенную любовь къ человѣчеству, твердое убѣжденіе въ его совершенствованіи, благоговѣніе передъ просвѣщеніемъ и его достойными жрецами, сочувствіе ко всему возвышенному и прекрасному, простое младенческое сердце, слышное на всякой страницѣ; — и наконецъ, для разнообразія, живописныя картины природы, множество любопытныхъ анекдотовъ, неожиданныхъ встрѣчь, занимательныхъ разговоровъ,—все это разсказано увлекательнымъ слогомъ, со слѣдами горячихъ впечатлѣній,—и вы поймете успѣхъ Карамзина въ Русской публикѣ 90-хъ годовъ.

Только политики не касался онъ, потому-ли, что не чувствовалъ еще расположенія къ ея бурнымъ вопросамъ, или потому, что опасался тогда произвесть какое нибудь непріятное впечатлѣніе о себѣ въ Правительствѣ.

Однимъ изъ полезныхъ плодовъ этого сочиненія было возбужденіе любви къ иностраннымъ

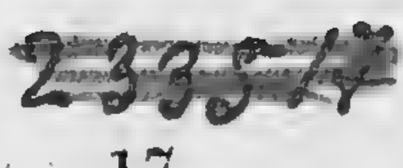
литературамъ въ молодомъ поколѣніи,—въ томъ поколѣніи, которое вскорѣ дало отечеству: Жуковскаго, Тургеневыхъ, Кайсаровыхъ, Блудова, Дашкова, Батюшкова.

Вмѣстѣ съ письмами арамзинъ выдавалъ въ Московскомъ Журналѣ свои повѣсти, изъ коихъ первое мѣсто, и по времени сочиненія, и по блестящему успѣху, принадлежитъ *Бѣдной Лизѣ*. Сценою выбрано любимое гулянье Московскихъ жителей—окрестности Симонова монастыря; дѣйствующими лицами были выведены живые люди, вмѣсто прежнихъ Миленовъ и Замиръ, обитавшихъ въ неизвѣстныхъ пространствахъ; все это было очень ново и разительно. Простосердечіе, невинность и несчастная судьба доброй дѣвушки, изображены живо, а чувствительность была модною болѣзнію вѣка: полились слезы,—и тысячи любопытныхъ ходили и ѣздили искать слѣдовъ Лизиныхъ. Нѣсколько поколѣній считало своею обязанностію посмотрѣть на заходящее солнце съ высотъ Симонова Монастыря, подумать о Карамзинѣ, и вздохнуть о небывалой Лизѣ.

Пусть въ этой повѣсти, равно какъ и въ слѣдующихъ, не было строгой истины, какъ ее понимаютъ нынѣ, но ея отсутствія не замѣчали въ сочиненіяхъ этого рода лѣтъ пятьдесятъ еще послѣ, не только у насъ, но и во всей Европѣ.

За бѣдною Лизою слѣдовала *Наталья Боярская дочь* съ воспоминаніями о старинномъ боярствѣ и дѣдовскихъ обычаяхъ, съ національными выраженіями и разными увлекательными подробностями.

Слава Карамзина распростанялась день ото дня. Лучшая часть публики бросилась безъ памяти

къ молодому писателю. Дамы, не бравшія Русскихъ книгъ въ руки, начали находить удовольствіе въ чтеніи. Дѣвицы и юноши не помнили себя отъ восторга. Всѣ повторяли выраженія, выученныя наизусть изъ Московскаго Журнала. Первые писатели вызвались помогать ему своими трудами, и самъ Державинъ, тогда на верху своей славы, воскликнулъ:

> Пой Карамзинъ!—И въ прозѣ
> Гласъ слышенъ соловьинъ.

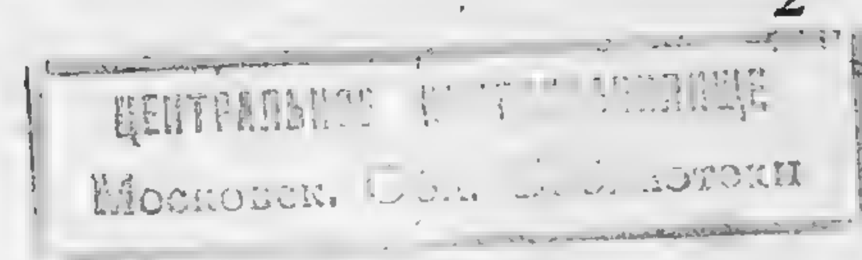
Московскій Журналъ издавалъ Карамзинъ два года: 91-й и 92-й. Публика пожелала видѣть всѣ его статьи въ особой книгѣ, которая и вышла подъ заглавіемъ: *Мои бездѣлки*, напечатанныя вскорѣ вторымъ изданіемъ.

Въ 93 и 94 годахъ Карамзинъ вмѣсто журнала, безпокоившаго его срочною работою, издавалъ Литературный сборникъ *Аглаю*, коего вышло двѣ книги, составленныя почти сполна изъ его сочиненій. Здѣсь между прочимъ явились въ первый разъ: *Островъ Борнгольмъ* и *Илья Муромецъ*.

Первая повѣсть, облеченная тайною, оставила по себѣ глубокое впечатлѣніе, и въ продолженіи пятидесяти можетъ быть лѣтъ ни одинъ изъ нашихъ путешественниковъ не проѣзжалъ мимо этого пустыннаго острова, безъ какого-то унылаго безотчетнаго чувства, напѣвая про себя любезную пѣсню:

> «О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!»

Илья Муромецъ поразилъ и удивилъ необыкновеннымъ своимъ размѣромъ, послѣ однообраз-

ныхъ ямбовъ, господствовавшихъ въ нашемъ стихосложенiи. Этотъ изящный языкъ, какъ жемчугъ нанизанный, производилъ совершенное очарованiе въ читателяхъ: молодые люди, незнакомые еще тогда съ тонкостями Нѣмецкой философiи, восхищались Ильей Муромцемъ, и заманчивое «продолженiе впредь,» подписанное подъ сказкою, долго возбуждало любопытство нашего добраго стараго времени.

Но не однѣми забавами воображенiя увлекался Карамзинъ: вопросы важнѣйшiе тѣснились въ груди его, — и онъ спѣшилъ подѣлиться съ публикою плодами своего размышленiя. Въ Аглаѣ помѣстилъ онъ разсужденiе о своемъ времени, въ формѣ писемъ Филалета и Мелодора, два отрывка о наукахъ и авторствѣ, и обширную картину древней жизни.

Всѣ эти сочиненiя писалъ онъ для общества, не для ученыхъ, не для философовъ, и до сихъ поръ надо удивляться тому искусству, съ какимъ онъ умѣлъ становиться на одну точку съ своими читателями, выбирать стороны предмета, кои особенно были для нихъ понятны и разительны, научать, безъ малѣйшаго притязанiя на званiе наставника, являясь вездѣ только любезнымъ собесѣдникомъ, возбуждать живое участiе къ своимъ мыслямъ;—и легкiя, простыя статьи его приносили пользы гораздо болѣе многихъ глубокомысленныхъ диссертацiй.

Переписка *Филалета и Мелодора* имѣла особую цѣль: Карамзинъ, преданный отъ души просвѣщенiю, хотѣлъ разсѣять тѣнь подозрѣнiя, положенную на философiю ужасами Французской революцiи, которая возбуждала опасенiе даже и въ крот-

кой Екатеринѣ. Онъ боялся, чтобы какія нибудь строгія мѣры не заглушили первыхъ ростковъ, возникавшихъ на Русской почвѣ, не помѣшали новымъ цвѣтамъ, коихъ онъ желалъ и ожидалъ для славы отечества. Нельзя было найти посредника искуснѣе: онъ представилъ разительно различіе между благо-и злоупотребленіемъ, и защитилъ правое дѣло наукъ, коихъ значенію и отношенію къ жизни посвящена имъ была и другая статья, съ тѣмъ же горячимъ чувствомъ написанная.* Мечтанія о счастіи человѣчества, вслѣдствіе просвѣщенія, изображены здѣсь увлекательно, и никому нельзя читать ея, не питая сердечной любви къ сочинителю.

Въ отрывкѣ: *Что нужно автору?* Карамзинъ ясно описалъ намъ, чѣмъ надѣлилъ его Богъ для произведенія тѣхъ благодѣтельныхъ впечатлѣній, кои отъ всякой статьи его получали въ такомъ обиліи его соотечественники.

«Читай исторію несчастій рода человѣческаго, говоритъ онъ, и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо,— или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему, открытъ путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное, желаніе всеобщаго блага; тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ—онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину, — ты не будешь безполезнымъ писателемъ, — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.»

Аѳинская жизнь, которая начинается: »Греки! Греки! кто васъ не любитъ?« уносила подъ благо-

---

* Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи.

словенное небо Аттики, гдѣ, переходя отъ наслажденія къ наслажденію, люди жили въ объятіяхъ природы, наукъ и искусствъ.

Любовь къ чтенію распространялась болѣе и болѣе, и Карамзинъ въ этомъ отношеніи сдѣлался преемникомъ незабвеннаго Новикова.

Онъ пользовался этимъ счастливымъ расположеніемъ и поддерживалъ безпрестанно вниманіе публики, питалъ ея любопытство и не давалъ остывать пробужденному чувству. Кромѣ новыхъ изданій прежнихъ сочиненій, кои слѣдовали одно за другимъ безпрестанно, онъ началъ съ 1796 года издавать стихотворные Альманахи, *Аониды*, при дѣятельной помощи Державина и Дмитріева, который въ одно время съ нимъ производилъ одинакую почти перемѣну въ области Русской поэзіи; и своими сказками, пѣснями, элегіями, баснями, приводилъ ее къ той простотѣ и естественности, кои были главною заслугою Карамзина.

Въ царствованіе Императора Павла, . . Карамзинъ занимался только переводами невинныхъ *повѣстей: Мармонтеля, Жанлисъ, и разныхъ другихъ писателей*, и издалъ ихъ тогда же, вмѣстѣ съ *Пантеономъ Иностранной Словесности*, составленнымъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей, древнихъ и новыхъ.

Между тѣмъ онъ мужалъ, созрѣвалъ, размышлялъ, занимаясь по всѣмъ вѣроятностямъ, чтеніемъ историческихъ сочиненій, къ коимъ полу-

чилъ особенную склонность, и лишь только вступилъ на престолъ Императоръ Александръ, какъ и возвратился Карамзинъ къ публичной дѣятельности съ новыми силами, съ новымъ усердіемъ къ пользѣ общей.

Первымъ его трудомъ было Историческое Похвальное слово Екатеринѣ, гдѣ прославляя Императрицу, онъ имѣлъ намѣреніе преподать наставленіе юному вѣнценосцу, озаренному такими свѣтлыми надеждами, при своемъ вступленіи на престолъ; съ этою цѣлію онъ старался въ своемъ сочиненіи выставить преимущественно тѣ добродѣтели, коими цари снискиваютъ себѣ — не лесть при жизни, — но благодарную любовь за гробомъ: милосердіе, кротость, благотворительность. Съ этою цѣлію онъ старался доказать, что твердѣйшее основаніе престоловъ заключается въ преданности, любви, признательности подвластныхъ имъ народовъ.

Съ какимъ наслажденіемъ Карамзинъ заключаетъ выписки свои изъ Наказа Императрицы Екатерины слѣдующими ея словами: Самодержавство разру-«шается, когда Государи думаютъ, что имъ надобно «изъявлять власть свою не слѣдованіемъ порядку «вещей, а перемѣною онаго, и когда они собствен-«ныя мечты уважаютъ болѣе законовъ.** (510, 511). «Самое вышнее искусство Монарха состоитъ въ томъ, «чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно ему «употребить власть свою: ибо благополучіе само-«державія есть отчасти кроткое и снисходительное

* Соч. Карамзина, изд. 4. томъ VIII. с. 55.

** Указаніе отдѣленій Наказа означено по первому изданію Слова. Москва. 1802.

« правленіе. Надобно, чтобы Государь только ободрялъ и чтобы одни законы угрожали (513—515). « Не счастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ « разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно « объявить своего мнѣнія (517). Все сіе не можетъ « понравиться ласкателямъ, которые безпрестанно « твердятъ земнымъ Владыкамъ, что народы для « нихъ существуютъ. Но мы думаемъ, и за славу « себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для на« шего народа. . . .

Заключая эту выписку изъ Наказа Императрицы Екатерины, Карамзинъ восклицаетъ *: « Сограж« дане! сердце мое трепещетъ отъ восторга! Ваше « конечно тоже чувствуетъ! . . . Удивленіе и бла« годарность производятъ его; я лобызаю Державную « руку, которая, подъ Божественнымъ вдохнове« ніемъ души, начертала сіи священныя строки. « Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ,—такъ дерзнулъ « объявить своему народу, что слава и власть « Вѣнценосца должны быть подчинены благу на« родному; что не подданные существуютъ для « Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы « удивляемся Философу, который проповѣдуетъ « Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять « его смѣлость съ великодушіемъ Екатерины, ко« торая, утверждая престолъ на благодарности « подданныхъ, торжественно признаетъ себя обязан« ною заслуживать власть свою? «

Съ какимъ восторгомъ Карамзинъ говоритъ о дѣйствіяхъ Екатерины на пользу просвѣщенія!

---

* С. 94. Въ собраніи Сочиненій томъ VIII. с. 56.

«Народныя школы могутъ и должны быть по-
«лезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на
«первые элементы націи; и смиренный народный
«учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія
«изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа, и раз-
«сказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные
«случаи Исторіи, или развертывая моральный
«Катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгод-
«но человѣку быть добрымъ, — въ глазахъ Фило-
«софа почтенъ не менѣе Метафизика, котораго глу-
«бокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва
«вразумительно, или мудраго Натуралиста, Физі-
«олога, Астронома, занимающихъ своею наукою
«только нѣкоторую часть людей. — Если въ го-
«родахъ, въ семъ новомъ твореніи Екатерины, еще
«не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ,
«ни храмовъ великолѣпныхъ: то, въ замѣну сихъ
«иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго
«богатства, взоръ патріота читалъ на смиренныхъ
«домикахъ любезную надпись: *Народное Училище*,
«и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ
«Монархинею, среди ея пышной столицы и бле-
«стящихъ монументовъ славнаго царствованія,
«тотъ любилъ и восхвалялъ просвѣтительницу
«отечества, видя и слыша въ стѣнахъ мирной хи-
«жины, юнаго ученика градской школы, окружен-
«наго внимающимъ ему семействомъ, и съ благо-
«родною гордостію толкующаго своимъ родите-
«лямъ нѣкоторыя простыя, но любопытныя ис-
«тины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего
«учителя.*«

Сколько назидательныхъ уроковъ заключается

* Томъ VIII, с. 92.

въ его словахъ о цензурѣ,* »необходимой въ «гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ «уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце «отъ добродѣтели, и неограниченная свобода пи- «сать столь же безразсудна, какъ неограниченная «свобода дѣйствовать; но какъ мудрый законода- «тель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранст- «ва, запрещаетъ только явное зло, и многія сер- «дечныя слабости предаетъ единому наказанію «общаго суда или мнѣнія: такъ Монархиня запре- «щенію цензуры подвергла только явный развратъ «въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія «предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ «отличать истины отъ заблужденія, т. е. Она сдѣ- «лала ее не только благоразумною, но и снисхо- «дительною; и сею довѣренностію къ общему суду «пріобрѣла новое право на благодарность народную.»

Слово раздѣлено на три части: о побѣдахъ, законахъ и учрежденіяхъ. Знатоки права удив- ляются, какъ могъ Карамзинъ такъ ясно понять и представить въ такомъ краткомъ объемѣ сущность многочисленныхъ гражданскихъ постановленій, дарованныхъ Императрицею Екатериною. Нѣко- торыя тѣни въ ея царствованіи ораторъ имѣлъ полное право прейти молчаніемъ, предоставляя ихъ Исторіи.

Съ 1802 года Карамзинъ началъ издавать дру- гой журналъ, *Вѣстникъ Европы*, вслѣдствіе такаго убѣжденія: * »Въ Россіи Литература можетъ быть «еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ; чув- «ство въ насъ новѣе и свѣжѣе, изящное тѣмъ

* Томъ VIII, с. 99.
* Вѣстникъ Европы. с. 1802. Январь; с. 6.

«сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, и тѣмъ болѣе «плодовъ приноситъ. Сколь благородно, сколь утѣ«шительно содѣйствовать нравственному образо«ванію такого великаго и сильнаго народа, какъ «Россійскій; развивать идеи, указывать новыя «красоты въ жизни, питать душу моральными удо«вольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ, «со благомъ другихъ людей.«

Чтобъ судить, до какой степени распространилась охота къ чтенію въ Россіи, и какъ много надежды полагала публика на любимаго своего писателя, довольно сказать, что, вмѣсто 300 подписчиковъ Московскаго журнала, на Вѣстникъ Европы, явилось, говорятъ, уже двѣ тысячи. Для Московскаго журнала Карамзинъ работалъ все самъ, а въ Вѣстникѣ Европы нашлись уже сотрудники, воспитанные по его сочиненіямъ, имъ приготовленные, наученные его языку и слогу. Московскій журналъ передать было некому, а Вѣстникъ Европы имѣлъ преемниковъ, между которыми вскорѣ явился Жуковскій.

Вѣстникъ Европы Карамзина, какъ былъ, такъ и остался навсегда образцовымъ Русскимъ журналомъ, съ которымъ не сравнялся послѣ ни одинъ, хотя вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, кои сдѣлались мудренѣе, сложнѣе,—новыхъ требованій, которыя предъявлять можно, а исполнять нельзя.—Онъ прочитывался съ жадностію, отъ первой страницы до послѣдней, удовлетворяя вполнѣ своихъ читателей, велъ ихъ далѣе, обогащалъ познаніями, возбуждалъ охоту пріобрѣтать новыя, имѣлъ свое собственное мнѣніе, и выражалъ его ясно и твердо. Въ немъ недоставало критики, которая дѣлается камнемъ претк-

новенія для новыхъ журналовъ; но въ такой юной Словесности, какова тогда была Русская, не было и особенной въ ней нужды.

Съ первыхъ книжекъ Вѣстника Европы явно стало, что издатель возмужалъ, созрѣлъ, что кругъ его зрѣнія распространился, и изъ пріятнаго повѣствователя онъ дѣлается опытнымъ руководителемъ, что онъ размышлялъ о всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ состоянія общественнаго, имѣетъ о нихъ собственныя мысли, и хочетъ предложить на всеобщее разсужденіе, однимъ словомъ, что онъ имѣетъ цѣли высшія.

Дѣйствительно, разсмотрите оглавленіе Вѣстника Европы, и вы найдете тамъ всѣ наши основныя задачи, начиная съ крестьянской.

Онъ видѣлъ . . . . положеніе крестьянъ,
. . . .
но съ другой стороны понималъ дѣйствія безсмысленной и необразованной свободы, и сказалъ въ *Письмѣ сельскаго жителя.* * »Время »подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо »и медленно: бѣда законодателю облетать его! »Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ во»кругъ себя. — Богъ видитъ: люблю ли человѣче»ство и народъ Русскій; имѣю ли предразсудки, »обожаю ли гнусный идолъ корысти,—но для ис»тиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ, »желаю единственно того, чтобы они имѣли доб»рыхъ господъ и средства просвѣщенія, которое »одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ.»

* Томъ VII, с. 246.

Карамзинъ видѣлъ нелѣпое, воспитаніе нашего высшаго сословія, преданнаго съ юныхъ лѣтъ иноплеменникамъ, другаго языка, другой вѣры, другаго образа мыслей, и представилъ въ статьѣ *Моя исповѣдь* * неизбѣжныя его слѣдствія. . . .
. . . .

«Я родился сыномъ богатаго, знатнаго господина,» говоритъ онъ отъ лица своего героя,* «и «выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы и не «былъ сѣченъ! выучился по французски и не «зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти «лѣтъ на театрѣ, и въ пятьнадцать лѣтъ не имѣлъ «идеи о должностяхъ человѣка и гражданина!»

«Нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ презрѣ«ніемъ, и говорятъ, что я остыдилъ родъ свой; «что знатная фамилія есть обязанность быть по«лезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и доброде«тельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю «ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе «изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ ста«раются подражать мнѣ; живутъ безъ цѣли, же«нятся безъ любви, разводятся для забавы, и «разоряются для ужиновъ!»

Карамзинъ видѣлъ гибельныя слѣдствія отъ нашего неуваженія къ самимъ себѣ, презрѣнія собственныхъ достоинствъ, отъ недовѣрчивости . . . . къ Русскимъ дарованіямъ, которая останавливаетъ народное развитіе, убиваетъ

* Томъ VII, с. 172. 187.

способности, не допускаетъ ни до какихъ успѣховъ, и приводя доказательства противнаго изъ Исторіи, сказалъ въ своей статьѣ *О любви къ отечеству и народной гордости*:

«Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было «не много патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы из«лишно смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ «достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто «самаго себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и «другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы лю«бовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ «и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но «Русскій долженъ, по крайней мѣрѣ, знать цѣну «свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще «насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были «для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ «благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Рос«сійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, «скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ бла«городною гордостію.*»

Онъ видѣлъ, что служба, бывши прежде необходимостію государственною, дѣлалась послѣ помѣхою въ исполненіи прочихъ обязанностей, и даже въ успѣхахъ просвѣщенія, и объяснилъ это въ статьѣ: *Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ.* *

Онъ видѣлъ . . . . употребленіе языка Французскаго въ обществѣ, коимъ показывается неуваженіе къ самимъ себѣ,

* Томъ VII, с. 116

* Томъ VII, с. 194.

къ своему достоинству, къ своему народу, къ своей исторіи, и вооружался противъ него, при всякомъ случаѣ, гдѣ заходила о томъ рѣчь.

Даже противъ моды онъ почелъ обязанностію, какъ журналистъ, выразить свои мысли. *

Главною же мыслію, которую Карамзинъ носилъ всегда у своего сердца, которую лелеялъ съ нѣжной заботою во все продолженіе своей жизни, и старался выразить во всякой статьѣ своей, начиная отъ первыхъ до послѣдней, которая сроднилась съ его душою, и составила часть его самаго, точно какъ теперь составляетъ часть его имени, неразрывно съ нимъ соединенная, — главною его мыслію была мысль о просвѣщеніи, о просвѣщеніи общемъ для всего народа, а не для одного какаго либо сословія. Вотъ какъ объявляетъ онъ въ Вѣстникѣ Европы *о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*: **

«24 Января державная рука Александра подпи-
«сала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ учи-
«лищъ и разпространеніи наукъ въ Россіи. Сей
«счастливый Императоръ — ибо дѣлать добро мил-
«ліонамъ есть главное на землѣ блаженство — тор-
«жественно именуетъ народное просвѣщеніе важною
«частію государственной системы, любезною серд-
«цу его. . . . Размножая Университеты и Гимназіи,
«говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* . . .
«Александръ, пылая святою ревностію ко счастію
«ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣй-

---

* Въ статьѣ о легкой одеждѣ красавицъ XIX столѣтія, томъ VII.
** Томъ VIII, с. 221.

шее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться человѣколюбивыми его уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.«

Заключу выписки изъ этой прекрасной статьи слѣдующими драгоцѣнными словами:

« Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною ис-
« тиною, что человѣкъ, и въ хижинѣ, и за плугомъ,
« можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ
« самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что оте-
« чество наше имѣетъ право ожидать еще новыхъ,
« великихъ благодѣяній отъ трона, въ разсужденіи
« государственнаго просвѣщенія: они желали ихъ,—
« и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію
« прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе...
« Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историка и
« Европы, скажемъ, что сей Уставъ народнаго про-
« свѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной
« благости Монарха, который *во всѣхъ* своихъ под-
« данныхъ желаетъ найдти признательныхъ, *всѣхъ*
« равно любитъ, *и всѣхъ* считаетъ людьми.» *

Однимъ словомъ не осталось ни одного современнаго вопроса, или лучше, ни одного современнаго явленія, котораго бы онъ не обратилъ

---

* Том. VIII, с. 221, 225. Слова, напечатанныя курсивомъ, отмѣчены такъ у автора.

Смотри также статьи: *о вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей*, и *о публичномъ преподаваніи наукъ въ Московскомъ Университетѣ.*

въ вопросъ, и не предалъ на разсужденіе, вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ.

Что касается до своего мнѣнія, онъ излагалъ, какое хотѣлъ, и цензуры какъ будто не существовало для него; онъ часто говаривалъ: цензура столь же мало мѣшаетъ умному писателю, какъ риѳма хорошему стихотворцу. Примѣръ поучительный для его преемниковъ, но многіе ли могутъ имъ пользоваться!

Разсужденія Карамзина не касались еще глубины предметовъ, что̀ было бы излишне и безвременно, ибо прежде надлежало разсмотрѣть ихъ поверхность, въ ея явленіяхъ, чтобъ послѣ дойти до внутренности; надо было утолять голодъ настоящаго дня, а не заботиться о пресыщеніи завтрашняго. Карамзинъ зналъ, что всякому вопросу есть свой чередъ и свое время.

Мнѣнія его, совѣты, носили на себѣ печать умѣренности, снисхожденія, человѣколюбія. Имѣя отъ природы кроткое сердце, которому противна была всякая, даже временная, несправедливость, всякое насиліе, всякая крутая мѣра, онъ желалъ улучшеній естественныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, проистекающихъ отъ взаимнаго согласія, отъ лучшаго направленія; онъ не хотѣлъ нарушать ничьего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуждать ничьей непріязни, не приносить въ жертву никакихъ правъ.

. . . .
таковъ былъ его характеръ, такъ настроенъ былъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣетъ права осудить писателя за его слишкомъ доброе и чувствительное сердце.

Изъ произведеній изящной словесности Карамзинъ написалъ для Вѣстника Европы двѣ повѣсти: *Рыцарь нашего времени* и *Мароу посадницу*: первая примѣчательна тѣмъ, что въ ней сохранилъ онъ многія черты изъ своей юности въ обществѣ Симбирскихъ дворянъ, которое содѣйствовало столько его первоначальному развитію, и обогатило его своенародными впечатлѣніями, давшими въ свое время множество прекрасныхъ плодовъ. Замѣтимъ еще, что эта повѣсть, по своему предмету, составляетъ, можетъ быть, переходъ къ повѣстямъ нашего времени, отъ коихъ не требуется уже изящной природы.

Мароа Посадница была вѣнцомъ сочиненій Карамзина въ этомъ родѣ: знаменитое происшествіе, важныя лица, торжественная рѣчь, ... всё поражало читателя; и во всѣхъ училищахъ, гдѣ любили тогда читать Русскія книги, юноши долго и часто повторяли: »*Раздался звонъ вѣчеваго колокола и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ!* *«

Вмѣсто повѣстей, Карамзинъ представилъ въ Вѣстникѣ Европы очень много статей изъ отечественной Исторіи, плоды его послѣднихъ занятій: *О Русской старинѣ*, — прекрасное извлеченіе изъ древнихъ иностранныхъ путешественниковъ: *О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича*, — живая картина замѣчательнаго происшествія; *О предметахъ изъ Русской Исторіи для художествъ*, и наконецъ: *Историческія замѣчанія на пути къ Троицѣ*, — самый счастливый изъ его

---

* Такъ начинается эта повѣсть.

опытовъ въ этомъ родѣ. Дорога Троицкая, столько знакомая всякому Русскому, оживилась воспоминаніями, описанная краснорѣчивымъ перомъ Карамзина. Царь Алексѣй Михайловичь съ своею Царицею и Царевнами, съ своими Боярами, Окольничими, предсталъ нашему воображенію,—но первымъ героемъ этой статьи былъ Борисъ Годуновъ, которому Карамзинъ, первый, хотя не надолго, сказалъ доброе слово и пріобрѣлъ многихъ почитателей. Тѣ искры, кои, по словамъ его, зараниваетъ истина,* долго мелькали въ глазахъ не однаго любознательнаго юноши, и кому не хотѣлось отыскать ихъ въ пеплѣ?

Одною изъ главныхъ особенностей Вѣстника Европы были *Статьи политическія*,** о которыхъ у насъ, впрочемъ, говорено было мало. Карамзинъ разсуждалъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени, представлялъ свои мнѣнія о дѣйствіяхъ Генерала Бонапарте и мѣрахъ Питта и Фокса, предугадывалъ многія явленія, хвалилъ и порицалъ рѣшенія кабинетовъ, съ сознаніемъ своего достоинства, съ благородствомъ и независимостью, съ почтеніемъ къ высокимъ дѣяніямъ, имѣя всегда въ виду немаловажныя какія либо выгоды, меркантильныя или мануфактурныя, а истинное благо народовъ, высшую цѣль человѣчества. Многіе писатели, незнающіе Россіи, говорятъ въ Европейскихъ журналахъ, что Русскіе не созрѣли для употребленія разныхъ плодовъ цивилизаціи. Имъ можно указать на статьи Карамзина, писанныя слишкомъ за 40 лѣтъ до нашего времени. . . . . . статьи, кои можно было читать въ любомъ Парламентѣ,—

** Томъ IX. с. 55—83

въ доказательство, что Русскіе имѣютъ полное право жить своимъ умомъ, и судить о другихъ, такъ какъ другіе объ нихъ судятъ.

Вотъ краткое обозрѣніе дѣйствій Карамзина впродолженіи первыхъ 15 лѣтъ: онъ очистилъ Русскій языкъ, освободилъ его изъ-подъ классическаго вліянія, указалъ ему настоящее теченіе, обработалъ слогъ, обогатилъ Словесность, представилъ сочиненія во всѣхъ родахъ: письма, повѣсти, разсужденія, похвальныя слова, разговоры; возбудилъ участіе къ сочиненіямъ знаменитыхъ писателей, познакомилъ съ иностранными литтературами, перевелъ множество образцовыхъ произведеній со всѣхъ новыхъ языковъ, привелъ въ движеніе Словесность, распространилъ охоту къ чтенію; умѣлъ возбудить любовь къ занятіямъ, коснулся до всѣхъ современныхъ вопросовъ, училъ разсуждать политически, наконецъ началъ возбуждать участіе къ Русской старинѣ, и познакомилъ съ древними иностранными путешественниками.

Сколько трудовъ, сколько заслугъ, которыхъ достаточно было бы, чтобъ прославить нѣсколько писателей на всю ихъ жизнь, а для Карамзина это были только первоначальные опыты, это были только приготовительные занятія, — почти проба пера.

Онъ не доволенъ былъ тѣми трудами, кои могъ, лишъ задумалъ, оканчивать; его влекло въ темную даль; его мучила тоска по неизвѣстномъ; ему хотѣлось такаго дѣла, которомубъ невидать было конца, на которое недоставалобъ его извѣстныхъ силъ; онъ желалъ искать новыхъ способностей въ своей душѣ, — и, закрывъ глаза, онъ ринулся стремительно въ бездну Русской Исторіи....

Я говорю такъ безъ преувеличенія, — всякій, имѣющій понятіе объ историческомъ дѣлѣ, согласится со мною, что это есть настоящее выраженіе для его предпріятія.

Въ какомъ состояніи находилась наша Исторія?

Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ ни кто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; Лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто незналъ; ни одна часть Исторіи не была обработана — ни Исторія церкви, ни Исторія права, ни Исторія словесности, торговли, обычаевъ; для древней Географіи не было сдѣлано ни какихъ приготовленій; Хронологія перепутана; Генеологіей не занимались; Нумизматическихъ собраній не существовало; Археологіи не было въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество, не имѣли порядочной Исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ; иностранныя лѣтописи, кромѣ Греческихъ, не принимались въ соображеніе; древніе Европейскіе путешественники въ Россіи, едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, ни кто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячей нерѣшено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено.

Что же было сдѣлано?

Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости.

Написано нѣсколько Исторій, удовлетворявшихъ потребностямъ своего времени; но онѣ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями, и заставляя отыскивать ихъ источники.

Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ строгихъ доказательствъ.

Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса — о происхожденіи Руси, — и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, напечатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора.

Вотъ въ какомъ положеніи находились до Карамзина приготовительные труды для Русской Исторіи. Прибавьте наконецъ, что самъ онъ не имѣлъ классическаго образованія, не зналъ древнихъ языковъ, и не занимался никогда исторической критикой.

Еслибъ Карамзинъ въ 1803 году сказалъ знаменитому Шлецеру, что онъ намѣренъ писать Русскую Исторію, съ какимъ негодованіемъ великій критикъ прервалъ бы его смиренное объявленіе, и изрекъ ему судъ! Съ какой язвительной улыбкою изъявилъ бы онъ послѣ предъ своей братіей состраданіе о Русскомъ невѣжествѣ! И всѣ ученые, пожавъ плечами, воскликнулибъ за нимъ въ одинъ голосъ, что предпріятіе дерзко, безразсудно, невозможно, и доказываетъ только совершенное отсутствіе въ Русскихъ писателяхъ понятій о требованіяхъ современной науки, неготовность ихъ къ ученымъ трудамъ. Какъ не согласиться съ такими справедливыми отзывами? Ка-

рамзину надо бы было запереть всѣ библіотеки, и.... и мы не имѣли бы Исторіи государства Россійскаго, вслѣдствіе самыхъ основательныхъ причинъ и самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ!

Правда—намѣреніе писать Русскую Исторію въ 1803 году было дерзко и ни съ чѣмъ не сообразно, неисполнимо, успѣхъ точно казался не вѣроятнымъ,—но развѣ вѣроятнѣе былъ успѣхъ Суворову, когда онъ понесся на Измаильскія стѣны, или пошелъ брать Прагу? Развѣ Петру, послѣ Нарвскаго пораженія, вѣроятнѣе была Полтавская побѣда?...

Это духъ всей Русской Исторіи, это духъ всей Русской жизни, это духъ не Карамзина, не Ломоносова, не Петра, не Суворова,—это духъ Русскаго человѣка, тотъ самый духъ, предъ которымъ понижаются Альпійскія горы, заравниваются Кавказскія пропасти, котораго ничто не устрашаетъ, которому ни гдѣ не бываетъ препонъ, тотъ духъ, который мы ученые, полуученые и больше всего не доученые, всѣми силами погасить стараемся въ Латинскихъ формахъ и Нѣмецкихъ формулахъ, и который однакожъ все еще живъ, потому что живущъ, а Богъ милостивъ.

Карамзинъ отнесся не къ Шлецеру, а къ Муравьеву. Муравьевъ, Михаилъ Никитичь, (благословимъ здѣсь его имя: ибо онъ вмѣстѣ съ Дмитріевымъ, другимъ согражданиномъ вашимъ, *имѣлъ счастіе* содѣйствовать Карамзину при началѣ его трудовъ),—сказалъ два слова Императору Александру,—и Карамзинъ, безъ всякихъ справокъ и разсужденій, облеченъ въ званіе Исторіографа, получилъ открытый листъ во всѣ книгохранилища,—

и чрезъ 12 лѣтъ воздвигся великолѣпный памятникъ языка и Исторіи, которому самъ Шлецеръ долженъ бы былъ, еслибъ дожилъ, почтительно поклониться,—и дерзкое намѣреніе оправдалось блестящимъ успѣхомъ!

Карамзинъ разумѣется незналъ сначала самъ всѣхъ трудностей своего предпріятія; вѣроятно онъ хотѣлъ только написать занимательную книгу для чтенія, разсказать пріятно всѣ произшествія въ жизни Русскаго народа, возродить участіе публики къ Олегамъ, Владимирамъ, Іоаннамъ, какое онъ возбудилъ къ небывалымъ героямъ своихъ повѣстей, и привлечь вниманіе къ отечественной Исторіи, какое привлекъ ко многимъ важнымъ, нравственнымъ и политическимъ предметамъ.

Какъ бы то ни было, онъ оставилъ свѣтъ, отказался отъ общества, и заключился въ уединеніе; первые три года, по свидѣтельству его знакомыхъ, онъ былъ погруженъ въ свой предметъ, до такой степени, что не могъ ни о чемъ говорить, и сдѣлался несноснымъ даже для друзей. Чѣмъ болѣе онъ занимался тѣмъ яснѣе разумѣется видѣлъ ужасное свое положеніе: затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу, препятствія, о коихъ не помышлялъ за ранѣе, останавливали его безпрестанно; тѣнь Шлецера, какъ страшное привидѣніе, грозила ему, кажется изъ за всякой строки. Нѣсколько разъ перемѣнялъ онъ свое намѣреніе, сокращая и распространяя планъ; задавалъ себѣ новыя задачи, жегъ и переписывалъ не однажды первые томы. Часто онъ долженъ былъ приходить въ отчаяніе, но эта непреклонная воля, это желѣзное терпѣніе, рѣшимость поставить на своемъ, которыя въ извѣстное время являются у

Русскаго, впрочемъ безпечнаго обыкновенно человѣка, побуждали его идти далѣе; никакія преграды его не останавливали; затрудненія увеличивали только его силу: этотъ внутренній свѣтъ, полученный имъ отъ Бога, освѣщалъ предъ нимъ всякую тьму, въ которую онъ попадалъ на пути своемъ; онъ опознавался тотчасъ во всякомъ лабиринтѣ, и находилъ путеводную нить, охранявшую его отъ всякихъ заблужденій. Бодро шелъ онъ впередъ, разпутывая и разсѣкая узлы. Что другой узнавалъ двадцати-лѣтнимъ опытомъ, при пособіяхъ безконечной начитанности, съ совѣтами цѣлыхъ факультетовъ, въ ученой атмосферѣ, то Карамзинъ схватывалъ на лету, усматривалъ съ разу, счастливо угадывалъ. Между тѣмъ онъ безпрестанно учился, взоръ его становился яснѣе, кругъ зрѣнія распространялся, и наконецъ онъ сказалъ въ письмѣ своемъ къ Муравьеву, что уже не боится ферулы Шлёцеровой.

Въ такихъ тяжелыхъ трудахъ провелъ Карамзинъ двѣнадцать лѣтъ, и въ 1815 году, Декабря 8, представилъ восемь томовъ своей Исторіи Императору Александру, и потомъ всему Русскому народу.* Государь принялъ ее съ благоволеніемъ, повелѣлъ напечатать безъ цензуры, и даровалъ Автору разныя гражданскія награды; Публика, ожидавшая съ нетерпѣніемъ Исторіи, разхватала въ двѣ недѣли изданіе, и дѣйствіе было неописанное. . . .

Тридцать лѣтъ стоитъ предъ нами эта Египетская пирамида, исполинскій трудъ Карамзина, и

---

* Томы 9, 10 и 11, Карамзинъ издалъ впродолженіи слѣдующихъ десяти лѣтъ, а 12 напечатанъ уже послѣ его кончины.

мы до сихъ поръ не собрались съ силами разобрать, оцѣнить его по достоинству:—разительное доказательство его превосходства!

Не мѣсто здѣсь разсматривать въ подробности великое произведеніе,—я постараюсь указать лишь главныя черты, предоставляя прочее другому времени.

Всякое историческое произведеніе, само по себѣ, можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: 1-е, критики, 2-е искусства, 3-е науки.

Критика изслѣдуетъ, очищаетъ, приготовляетъ матеріалы.

Искусство воспроизводитъ событія, и представляетъ ихъ воображенію, какъ бы онѣ теперь происходили.

Наука проникаетъ въ ихъ внутреннюю связь и открываетъ ихъ законы, или божественныя идеи.

Это три раздѣльныя сферы, очень обширныя, требующія, каждая для себя, особливыхъ талантовъ—творческаго, умозрительнаго и критическаго: одно дѣло — приготовить краски, другое писать картину, иное показать на ней законы изящнаго. Всѣ три дѣла мѣшаютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ одно другому: искусство требуетъ живости; критикѣ необходимо терпѣніе и вниманіе; условія науки — глубокомысліе и проницательность. Творческій полётъ художника останавливается копотливою работою критика, а философу опасно увлекаться воображеніемъ.

Карамзинъ принужденъ былъ по необходимости принять на себя всѣ три обязанности, и мы должны показать его заслуги съ этихъ трехъ сторонъ.

Въ приготовленіи матеріаловъ Карамзину предлежали труды, какъ мы видѣли, безчисленные.

Онъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ извѣстные до него историческіе источники, и множество новыхъ, имъ самимъ открытыхъ; ни одного списка лѣтописи не осталось не прочтеннаго, не пересмотрѣннаго, и на всѣхъ сіяютъ слѣды его руки. Этого мало, онъ перечелъ стольже добросовѣстно историковъ, которые прежде его пользовались ими, и показалъ, гдѣ и какъ они уклонялись, часто даже—по чему. Вообразите же себѣ это множество списковъ лѣтописей, это множество грамотъ и различныхъ сказаній, это множество изслѣдованій и иностранныхъ свидѣтельствъ, кои должно было обдумать и имѣть въ виду! Взгляните на примѣчанія къ каждому тому. Сколько труда, на примѣръ, должно было употребить, чтобъ согласить всѣ противорѣчущія показанія древнихъ и мнѣнія новыхъ, и написать первую главу Исторіи, самую неблагодарную: о народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ. А такихъ главъ сколько въ каждомъ томѣ! Отвсюду извлекалъ Карамзинъ сущность и употреблялъ въ дѣло, указывалъ при всякомъ положеніи на то свидѣтельство, которое служило ему основаніемъ, приводя важнѣйшія мѣста изъ древнихъ источниковъ, такъ что, еслибъ мы имѣли несчастіе потерять ихъ всѣ, — наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія. Въ его примѣчаніяхъ

заключается почти другая Исторія, столь же драгоцѣнная, изъ подлинныхъ словъ составленная!

Обратимся къ самимъ событіямъ—какое разнообразіе! Государственныя, военныя, законодательныя, ученыя! Сколько вопросовъ во всѣхъ сихъ областяхъ, вопросовъ важныхъ, требующихъ долговременнаго изученія, тщательнаго вниманія. Обо всѣхъ представилъ Карамзинъ свое мнѣніе, часто вѣрное, всегда замѣчательное, плодъ яснаго ума и прилѣжнаго размышленія, мнѣніе, которое непремѣнно долженъ имѣть въ виду всякой будущій изслѣдователь, хотябъ онъ посвятилъ много лѣтъ на изученіе того предмета, о коемъ Карамзину случилось разсуждать только мимоходомъ. Юристы, филологи, богословы, всѣ должны начинать съ него, ссылаться на него! Всѣ получаютъ отъ него пособіе, и никто не покажетъ большаго недоразумѣнія. Карамзинъ останется навсегда съ своимъ мнѣніемъ и указаніемъ.

Еще болѣе,—Карамзинъ, о всѣхъ будущихъ мысляхъ въ наукѣ, имѣлъ какъ будто предчувствіе, и выражался почти всегда такъ, что онѣ не покажутся опроверженіемъ, а только дополненіемъ и объясненіемъ, развитіемъ его положеній. Какъ часто случается съ изслѣдователемъ обрадоваться своему открытію и придать ему великую важность, а это открытіе находится у Карамзина спрятанное въ углу какаго нибудь примѣчанія! Мнѣніе о древности Славянъ въ Европѣ принадлежитъ новѣйшей критикѣ, но перечтите, что говоритъ о нихъ Карамзинъ, и вы увидите, что начиная ихъ Исторію съ 6 вѣка, вслѣдъ за прочими изслѣдователями, онъ былъ увѣренъ въ Европейскомъ ихъ пребываніи гораздо прежде: онъ все предчувствовалъ, все указалъ, обо всемъ догадывался!

Сколько хронологическихъ разнорѣчій по лѣтописямъ, своимъ и иностраннымъ, онъ долженъ былъ согласить и объяснить!

Всѣ дѣйствовавшія лица онъ зналъ, кажется, лично, и имѣлъ предъ глазами жизнь ихъ со всѣми случаями; удѣльныхъ Князей, напримѣръ, которыхъ было по множеству въ одно время, и которые ежегодно почти мѣняли свои города и дрались между собою, а дружились, измѣняли другъ другу еще чаще, Карамзинъ распредѣлилъ каждаго въ свое мѣсто, въ свое время, въ свои отношенія, и въ двадцать пять лѣтъ не нашлось никакихъ важныхъ противорѣчій въ тысячахъ показаній этаго рода. Приведу примѣръ: два удѣльныхъ Князя въ періодъ междоусобныхъ войнъ, смѣшиваются по нѣкоторымъ спискамъ: дѣйствія одного, впрочемъ мѣлкія и маловажныя, приписываются иногда другому, и умный, прилѣжный изслѣдователь,* почелъ нужнымъ написать объ нихъ цѣлую большую диссертацію, чтобъ отдать каждому свое по принадлежности, а Карамзинъ увидѣлъ и сказалъ, что эти Князья по харатейнымъ спискамъ различаются ясно.

Двое ученыхъ спорили цѣлый годъ въ журналахъ о банномъ строеніи, — Карамзинъ рѣшилъ ихъ споръ одною строкою въ примѣчаніи **.

Люди, не знакомые съ критическимъ дѣломъ, не могутъ понять, не могутъ оцѣнить такихъ замѣ-

---

* Лербергъ въ разсужденіи Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ.

** Каченовскій и анонимъ (кажется Мартосъ) въ Вѣстникѣ Европы 1812 года.

чаній, по видимому ничтожныхъ, но спросите знатоковъ: чего стоитъ часто одна строка, одно слово, одинъ знакъ препинанія, при изслѣдованіи древняго свидѣтельства, и они объяснятъ вамъ, что значатъ подобныя рѣшенія.

Дѣятельный ученый * принялъ на себя обязанность составить Указателя къ сочиненію Карамзина, который и занялъ два большіе тома, чуть ли не съ полумилліономъ предметовъ. Всѣ занимающіеся Исторіею поклонились благодѣтельной книгѣ, а эта книга былъ только оглавленіемъ, исчисленіемъ предметовъ, изслѣдованныхъ, описанныхъ Карамзинымъ, въ ихъ послѣдовательности и связи.

Вотъ сколько трудовъ совершилъ онъ! Скажу рѣшительно: обыкновеннымъ человѣческимъ разсудкомъ нельзя понять, какъ могъ Карамзинъ въ двѣнадцать лѣтъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, относительно пріуготовленія матеріаловъ для Исторіи, — когдаже онъ писалъ?

Мы переходимъ къ размотрѣнію Исторіи Карамзина со стороны Искусства.

Истинно, разсматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина, въ области критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось ему еще время *писать* Исторію, и невольно приходитъ мысль, что она изливалась сама собою изъ глубины его души и сердца, естественнымъ слѣдствіемъ его чтенія и размышленія, какъ будто кристаллизовалась, нестóя ему ни малѣйшаго труда.

---

* П. М. Строевъ.

Великолѣпнѣйшій Литературный памятникъ, какой существовалъ гдѣ-либо, произошелъ самъ собою! Восемь томовъ Исторіи, изъ которыхъ каждый, или даже десятая доля каждаго доставилабъ дипломъ на славу всякому писателю, представляется намъ только окончаніемъ его работнаго времени, отдохновеніемъ послѣ трудовъ! Не чудоли это? И потому не знаешь, чему болѣе удивляться въ Исторіи Карамзина: его труду или его дарованію.

Весь *языкъ* со всѣми своими словарями, весь запасъ будущихъ словарей, разсѣянный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и послушныя слова и обороты, на повелительный зовъ его, стекались изъ лѣтописей, грамотъ, прологовъ, миней, житій, сказаній, и совокуплялись въ какую-то волшебную гармонію, которою можно наслаждаться, даже независимо отъ ея содержанія.

Послушайте вступленіе въ Исторію Іоанна III:

«Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство «истинно государственной, описывая уже не без-«смысленныя драки княжескія, но дѣянія цар-«ства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. «Разновластіе изчезаетъ съ нашимъ подданствомъ; «образуется держава сильная, какъ бы новая для «Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удив-«леніемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ «ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны «наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное «предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устре-«мленной ко благу отечества. Народъ еще ко-«снѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но правитель-«ство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣ-

«щеннаго. Устрояются лучшія воинства, призы-«ваются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ «ратныхъ и гражданскихъ; Посольства велико-«княжескія спѣшатъ ко всѣмъ дворамъ знамени-«тымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ «являются въ нашей столицѣ. Императоръ, Папа, «Короли, Республики, Цари Азіатскіе, привѣтству-«ютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и «завоеваніями отъ предѣловъ Литвы и Новагорода «до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ «намъ остатки своего древняго величія: Италія «даетъ первые плоды раждающихся въ ней худо-«жествъ. Москва украшается великолѣпными зда-«ніями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы соб-«ственными руками извлекаемъ изъ оныхъ ме-«таллы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей «Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе «властвовать 43 года, и былъ достоинъ онаго, «властвуя для величія и славы Россіи. . .

Неужели это не музыка? Какая стройность, полнота, благозвучіе, величіе! Этого языка никто не превзойдетъ, ни кто съ нимъ не сравняется, никто его не достигнетъ! Только одинъ разъ, только въ однѣхъ устахъ могъ онъ такъ произвестися, и повториться такое явленіе не можетъ, какъ не можетъ повториться храмъ Св. Петра, Рафаелева Мадонна, Моцартова Симфонія. Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ поставилъ языку свои Геркулесовскіе столпы, которыхъ прейти не возможно. Мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но ужè въ другомъ родѣ, другаго ладу, другаго сочиненія.

Впрочемъ языкъ, какими бъ не отличался совершенствами, есть только выраженіе, орудіе искус-

ства. Карамзинъ *представилъ* многія *событія* такъ, что они именно воспроизводятся въ нашемъ воображеніи; изобразилъ многія *лица* такъ, что онѣ живутъ предъ нами, если иногда не своею собственною, то по крайней мѣрѣ тою жизнію, которую сообщилъ имъ художникъ въ разныя минуты ихъ дѣятельности. Прочитавъ, на примѣръ, внимательно 6-й томъ, вы видите предъ собою величественную фигуру Іоанна III, вы слышите его тяжелые шаги, вы встрѣчаетесь съ его суровыми взглядами, отъ которыхъ женщины падали въ обморокъ, вы уклоняетесь отъ его повелительнаго движенія:—это торжество искусства.

А счастливый и злосчастный Борисъ, потомокъ Татарскаго Мурзы Чета, между родовыми Князьями, среди колѣнопреклоненій и заговоровъ, съ его изобрѣтательностью, осторожностью, мнительностію, поражаемый непреклонною судьбою, ударъ за ударомъ, не смотря на всѣ благія предположенія и разумныя мѣры! А легковѣрный Самозванецъ, умный, веселый, живой, пирующій наканунѣ гибели, пляшущій по краю пропасти, между Нѣмцами и Поляками, подъ зоркими взглядами угрюмыхъ Россіянъ, которые, кланяясь, выбираютъ на тѣлѣ его мѣсто, гдѣ нанести ударъ смертоноснѣе? Всѣ эти лица изображены такъ вѣрно, такъ близко къ природѣ, какъ только можетъ искусство.

Точно тоже должно сказать о многихъ происшествіяхъ — мы присутствуемъ съ Карамзинымъ на Флорентійскомъ соборѣ, и слышимъ строгую рѣчь Марка Ефесскаго, который лучше хочетъ подвергнуться игу Турковъ, нежели отступить на шагъ отъ восточнаго православія. Трепетъ объемлетъ

ваше сердце, когда вы видите предъ своими глазами висѣлицы, воздвигнутыя на Московской площади, и смотрите украдкою на Грознаго Іоанна, пріѣхавшаго въ толпѣ Опричниковъ судить и казнить своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Или, перенесясь въ Успенскій соборъ, внемлете торжественному слову Св. Филиппа, угрожающаго злобному Царю гнѣвомъ небеснымъ за его беззаконное правленіе.

Повѣствованія Карамзина часто сами собою возвышаются до поэзіи; грудь воздымается, дышешь тяжеле, читая описаніе ночнаго нападенія Татаръ на Ермака. . . . » пробужденный звуками «мечей и стонами издыхающихъ, Ермакъ воспря- «нулъ, увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ «убійцъ, кинулся въ бурный, глубокій Иртышъ, « и не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ, отяг- «ченный желѣзной бронею, данною ему Іоанномъ... «Конецъ горькой для завоевателя: ибо, лишаясь « жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!. . . «Нѣтъ! волны Иртыша непоглотили ея: Россія, Исто- «рія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!»

А избраніе на престолъ Бориса Годунова, когда весь народъ Московскій, подъ предводительствомъ Владимірской и Казанской Божіей Матери, подъ хоругвями отечества, съ Патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, идутъ въ Дѣвичій монатырь умолять знаменитаго правителя возсѣсть на престолъ Мономаховъ? А осада Троицкаго монастыря?—какія величественныя картины!

Читая отношенія Россіи къ Ордѣ, Литвѣ, Крыму, Польшѣ, Швеціи, предвидишь, какъ онѣ неминуемо поклонятся двуглавому Орлу. Точно также чувствуешь, какъ всѣ древніе удѣлы — и Тверь, и Ря-

зань, и Новгородъ, и Смоленскъ, тянетъ къ Москвѣ, которой судьба назначила быть верховной главою Россіи.

Чѣмъ далѣе шелъ Карамзинъ, чѣмъ болѣе писалъ, тѣмъ болѣе талантъ его усиливался, даръ слова увеличивался; и только въ первыхъ томахъ, пока онъ не освободился отъ той теоріи, въ коей былъ воспитанъ, встрѣчаются изображенія невѣрныя, возвышенныя вопреки истинѣ, хотя и тамъ сердце отдыхаетъ на привлекательныхъ образахъ Мономаха, Василька, Мстиславовъ, Даніила.

Говоря объ искусствѣ, нельзя пропустить удивительную стройность этого огромнаго зданія. Сколько умѣнья требовалось для того, чтобъ связать множество разнородныхъ предметовъ, разсѣянныхъ на такомъ ужасномъ пространствѣ, представить въ одной картинѣ и государство, и церковь, и право, и торговлю, и политику. Какъ удобно ставитъ Карамзинъ всякой предметъ на свое мѣсто! Какъ легко, не чувствуя никакихъ неудобствъ, никакаго стѣсненія, переходите вы съ нимъ изъ Кіева въ Новгородъ, изъ Новагорода въ Литву, изъ Литвы въ Крымъ, изъ Крыма въ Орду! Какъ ясно видите вы, что происходитъ въ одно время на Сѣверѣ и Югѣ, Востокѣ и Западѣ.

Припомнимъ, что со стороны искусства, равно какъ и науки, теперь господствуютъ совершенно другія требованія, а Карамзинъ писалъ для своихъ читателей, не для нашихъ. Ни Ливій, ни Тацитъ, не угодятъ нашимъ современникамъ: припомнимъ, что Карамзинъ считалъ еще нужнымъ опровергать Мабли, о которомъ теперь мы упоминать стыдимся; въ его время, сорокъ лѣтъ назадъ,

также была странна природа и простота, какъ нынѣ искусственность и щегольство. Мы не любимъ наряжаться, (можетъ быть и потому что не́ вочто,) а тогда писателямъ нельзя было явиться въ публикѣ безъ украшенія.

Разсматривая Исторію Карамзина со стороны Науки, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего исполинскаго труда, не успѣлъ замкнуть своего высокаго свода, не успѣлъ произнести своего завѣтнаго слова.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины онъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: «списываю вторую главу «Шуйскаго; еще главы три съ обозрѣніемъ до «нашего времени, и поклонъ всему міру, не холод- «ный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, «ласковому или спесивому, какъ ему угодно. При- «знаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою «духа, живостію сердца и воображенія. Близко, «близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, «если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, «или перо выпадетъ изъ руки отъ какого нибудь «удара. Но да будетъ воля Божія.» Такъ и случилось. Карамзинъ послѣ упомянутой главы написалъ еще двѣ, изобразилъ ужасное состояніе Россіи во время междуцарствія, показалъ издали прекрасную зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь, сраженный болѣзнію, остановился; на роковомъ выраженіи *Орѣшекъ не сдавался*, перо выпало изъ рукъ великаго писателя, и Русская Исторія осиротѣла.

Всего болѣе должно сожалѣть о томъ, что Карамзинъ не написалъ предположеннаго имъ обозрѣ-

нія, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ, по особенному свойству его ума, чертахъ, мы увидѣли бъ его понятіе о Русской Исторіи, прошедшей, настоящей и будущей, его мнѣніе о судьбѣ и назначеніи Россіи, его завѣщаніе наукѣ. Вотъ гдѣ должно было представиться органическое развитіе Исторіи, вотъ гдѣ должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его Запискою о древней и новой Россіи, о которой мы будемъ говорить въ особомъ отдѣленіи, но эту записку писалъ онъ еще очень рано, занимаясь не болѣе семи лѣтъ Русской Исторіей. Послѣ нея онъ трудился еще пятнадцать лѣтъ, пережилъ нашествіе 1812 года, служащее великимъ комментаріемъ на разныя наши задачи, сблизился съ Императоромъ Александромъ . . . . испыталъ, передумалъ многое, и достигъ того возраста, что люди по преимуществу называютъ мудрымъ. Какое сокровище ума, опыта, любви къ отечеству, мы потеряли въ этомъ завѣщаніи Историка!

Карамзинъ имѣлъ, правда, друзей, коимъ сообщалъ мысли о разныхъ предметахъ, политическихъ и человѣческихъ, но писатель выражаетъ свое мнѣніе, даже понимаетъ самъ себя вполнѣ, только тогда, какъ пишетъ.

Повѣствуя Карамзинъ, не думалъ ни объ какой системѣ; онъ полагалъ, кажется, что система должна исходить естественно изъ повѣствованія; онъ хотѣлъ только истины, которая сама собою уже будетъ учить, —а всякое преднамѣренное направленіе Исторіи вредитъ ей. Онъ довольствовался видимою связію происшествій, какъ онѣ одно за другимъ слѣдовали, и эта связь, эта рѣка Русской Исторіи, представлена имъ отчетливо,

вразумительно. Всѣ событія, имѣвшія вліяніе на судьбу государства, указаны, оцѣнены болѣе или менѣе, и наука, если не вполнѣ удовлетворяется его Исторіей въ настоящемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ имѣетъ въ ней всѣ данныя, на коихъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, кои должны войти въ составъ системы.

Въ твореніи Карамзина сохраняется богатый запасъ свѣдѣній всѣхъ родовъ о Русской Исторіи, и Карамзинъ сдѣлалъ ее извѣстнѣе не только — »для многихъ, даже и для строгихъ судей своихъ.» какъ съ смиреніемъ надѣялся, но и для всѣхъ вообще соотечественниковъ. Русскіе узнали, и, смѣло сказать можно, полюбили болѣе отечество, чѣмъ прежде, ибо тó можемъ мы только любить, что знаемъ, и чѣмъ болѣе что знаемъ, тѣмъ болѣе любимъ; полюбили тѣмъ болѣе, что Карамзинъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ прекрасно выразился въ предисловіи: «чув»ство — мы, наше, оживляетъ повѣствованіе,— «и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слаба«го, или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ «любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, «прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.«

Что сказать о нравственномъ вліяніи Исторіи Карамзина на его читателей? Согласимся съ новыми учеными, что всякая наука, какъ истина, должна быть сама себѣ цѣлію, но прибавимъ, что истинной наукою неможетъ не достигаться нравственная цѣль, иначе она былабъ недостойна своего имени, заключалабъ ложь. Какъ возвышаетъ Карамзинъ человѣческое достоинство! Какъ питаетъ всѣ благородныя чувства! Что сказать объ его глубокомъ уваженіи Русскаго народа!

Съ какою силою гремитъ онъ противъ вѣнчаннаго порока, и съ какимъ жаромъ прославляетъ добродѣтель, ловитъ всякую черту ея въ людяхъ!

Вотъ краткое обозрѣніе Исторіи Карамзина и ея достоинствъ, ея значенія, и благодѣтельныхъ слѣдствій, кои продолжаются нынѣ и долго продолжаться будутъ. . .

Мы должны теперь прославить Карамзина за его дѣйствія собственно гражданскія.

Не давно (въ 1836 г.) сдѣлалась извѣстною *Записка о древней и новой Россіи*, представленная имъ Императору Александру, и вскорѣ другая записка *о Польшѣ*. Это были драгоцѣнныя открытія: безъ нихъ мы не имѣли-бы полнаго понятія о Карамзинѣ. Онѣ присоединили блистательную страницу къ его біографіи и къ біографіи самаго Императора Александра.

Первая записка подана была Государю чрезъ Великую Княгиню Екатерину Павловну въ 1811 году, во время, для насъ страшное, когда Наполеонъ стоялъ на верху своего могущества и грозилъ Россіи порабощеніемъ, а внутри скоплялся духъ неудовольствія вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Съ чувствами вѣрноподданническаго благоговѣнія къ Государю, Карамзинъ, послѣ прекраснаго обозрѣнія Древней Исторіи, начинаетъ политическое разсужденіе съ царствованія Императора Петра I-го, (составляющаго ключь и замокъ къ настоящему и будущему положенію Россіи); гдѣ и является глубокомысленнымъ Политикомъ.

Представивъ въ общей картинѣ великіе подвиги Петровы, онъ съ удивительною проницательностію разбираетъ вредныя по послѣдствіямъ его дѣянія, коими по его мнѣнію должно почесть слѣдующія:

«Страсть къ новымъ для насъ обычаямъ, «преступившая въ немъ границы благоразумія: «Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину», говоритъ онъ, «что духъ народный составляетъ нравствен-«ное могущество государствъ, которое подобно «физическому, нужно для ихъ твердости.... Го-«сударь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ «ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ распола-«гаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ «дѣламъ?.. Предписывать уставы обычаямъ есть «насиліе беззаконное и для Монарха Самодержав-«наго.... Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣ-«лалось подражаніе.«

Второе вредное дѣйствіе Петрово состояло въ отдѣленіи высшаго сословія отъ низшихъ одеждою и наружностію: »Русскіе земледѣльцы, мѣщане, «купцы увидѣли Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, «ко вреду братскаго народнаго единодушія госу-«дарственныхъ состояній...»

Третіе — ослабленіе связей родственныхъ, пріобрѣтеніе добродѣтелей человѣческихъ на счетъ гражданскихъ: »Имя Русскаго,« спрашиваетъ онъ, «имѣетъ ли для насъ ту силу неисповѣдимую, «какую оно имѣло прежде?»

Наконецъ блестящею ошибкою Петра Карамзинъ называетъ основаніе столицы въ Петербургѣ.

Не считаю нужнымъ распространяться о томъ, какой судъ произнесъ неумытный Историкъ царствованіямъ — Екатерины I-й съ Меньшиковымъ, Петра II съ Долгорукими, Анны съ Бирономъ, Елизаветы.. Петра III-го....

Разсужденіе о Екатеринѣ II онъ начинаетъ такъ:

«Главное дѣло сей незабвенной Монархини «состоитъ въ томъ, что ею смягчилось само-«державіе, не утративъ своей силы. . Что она «возвысила нравственную цѣну человѣка въ своей «державѣ...«

Наконецъ приступаетъ Карамзинъ, предъ лицемъ Императора Александра, къ изображенію его собственныхъ дѣйствій. — Эпиграфъ, имъ избранный изъ Псалма: »Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ,« исполняется во всей силѣ. Трепеща за отечество, онъ яркими, страшными красками изображаетъ состояніе Россіи, и разбираетъ всѣ мѣры правительства относительно внѣшней политики, законодательства, устройства, финансовъ, осуждаетъ расположеніе къ преобразованіямъ, говоритъ объ искусствѣ избирать людей и обходиться съ ними, объ общественныхъ наградахъ и наказаніяхъ. . .

Не мое дѣло разбирать здѣсь, въ какой степени справедливы его замѣчанія и дѣйствительны мѣры; не въ вѣрности мыслей и не въ дѣйствительности мѣръ заключается главное достоинство Карамзина въ эту великую минуту его жизни, а въ гражданскомъ мужествѣ произнести, безъ всякаго лицепріятія, мнѣніе, которое онъ по долгу совѣсти и присяги считалъ справедливымъ и полезнымъ, какія бы отъ того не произошли для него слѣдствія. Замѣтимъ, (что очень важно), Карамзинъ былъ тогда еще только литераторомъ, не представлялъ еще своей Исторіи, не находился еще на верху своей славы, не пріобрѣталъ общенародной и Европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благово-

леніи Государя, даже для изданія своего безсмертнаго труда. Это были критическія минуты въ его жизни,—и онъ не убоялся сказать прямо все, что чувствовалъ.

Записку свою онъ заключилъ слѣдующими прекрасными словами:

«Любя отечество, любя Монарха, я говорилъ «искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, — съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: да блюдетъ Царя и Царство Русское!

Во второй запискѣ о Польшѣ, Карамзинъ съ жаромъ старался защищать историческія права Россіи на тѣ области, кои до сихъ поръ несвѣдущіе или даже злонамѣренные люди въ Европѣ называютъ Польскими, хотя онѣ заселены Русскими племенами, говорятъ Русскимъ языкомъ, исповѣдуютъ Русскую вѣру.

Въ этихъ двухъ запискахъ, безъ коихъ мы не знали бы еще всей высокой души Карамзина, заключается и отвѣтъ на ту извѣстную эпиграмму, которую другой великій человѣкъ Русскій, тогда еще неопытный и легкомысленный юноша, произнесъ на Исторію Государства Россійскаго, и которую считаю своимъ долгомъ теперь отстранить.

Нѣтъ, Карамзинъ не льстилъ самодержавію; но изучивъ Русскую Исторію болѣе всѣхъ, зная ее лучше всѣхъ, посвятивъ ей тридцать лѣтъ своей жизни, онъ одобрялъ самодержавіе по внутреннему своему убѣжденію, считая это правленіе спасительнымъ для пользы и славы отечества.

Говорить это предъ лицемъ поколѣнія, воспитаннаго въ другихъ началахъ, говорить въ ущербъ своей славѣ, противъ общаго мнѣнія всей Европы, принять Историку на себя подозрѣніе въ недобросовѣстности, — о, для этого Карамзинъ имѣлъ нужду, можетъ быть, еще болѣе въ томъ гражданскомъ мужествѣ, которое внушало ему правдивыя рѣчи Государямъ. Льстить или потворствовать толпѣ гораздо легче и выгоднѣе.

»Незнаю,« говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ »дойдутъ ли люди до истинной гра« жданской свободы, но знаю, что путь далекій и « дорога весьма не гладкая.»

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Русская исторія представляетъ всегда Россію однимъ семействомъ, въ которомъ Государь отецъ, а подданные дѣти. Отецъ сохраняетъ надъ дѣтьми полную власть, предоставляя имъ полную свободу. Между отцемъ и дѣтьми не можетъ быть недовѣрчивости, измѣны; судьба, счастіе и спокойствіе ихъ — общія. Это обо всемъ государствѣ, но и въ частяхъ его примѣчается отраженіе тогоже закона: военачальникъ долженъ быть отцемъ своихъ воиновъ, помѣщикъ отцемъ крестьянъ, и даже служители въ домѣ всякаго хозяина называются на древнемъ выразительномъ языкѣ нашемъ домочадцами. Пока этотъ союзъ святъ и нерушимъ, до тѣхъ поръ спокойствіе и счастіе, — лишь только, гдѣ-бы-то ни-было, онъ на-

чинаетъ колебаться, какъ и безпорядокъ, замѣшательство, тревога. Вотъ, тайна Русской Исторіи, тайна, которой не можетъ постигнуть ни одинъ западный мудрецъ.

Считаю нужнымъ сказать это, для объясненія мыслей Карамзина, который заслужилъ ими благоволеніе двухъ Государей, къ славѣ ихъ троихъ: Императоръ Александръ называлъ его своимъ искреннимъ; Императоръ Николай написалъ въ незабвенномъ своемъ рескриптѣ: «и за покойнаго «Государя, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю «Вамъ признательность, которую Вы заслужи«ваете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими «трудами, какъ писатель.»

Карамзинъ говорилъ и думалъ такъ двадцать пять лѣтъ назадъ, а время живетъ нынѣ скорѣе прежняго, если можно такъ выразиться: всякой вѣкъ имѣетъ свой взглядъ на вещи и свои требованія. Но едвали слова Карамзина утратили для насъ много своего значенія!

Намъ остается говорить о Карамзинѣ, какъ о человѣкѣ.

Всѣ свои труды, какъ ни были они велики, всѣ свои заслуги, какъ онѣ ни были важны, всю свою славу, какъ ни была она блистательна, Карамзинъ ставилъ ни во что, предъ достоинствомъ собственно человѣческимъ. Самое высокое, самое чистое понятіе объ жизни выразилъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Тургеневу: »Жить есть не

«писать Исторію, не писать трагедіи и комедіи, а «какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйст-«вовать, любить добро, возвышаться душою къ его «источнику; все другое есть шелуха, не исключая «и моихъ осьми или девяти томовъ!«

Можетъ ли быть что нибудь выше, назидательнѣе, умилительнѣе, этихъ словъ въ устахъ такаго знаменитаго и заслуженнаго человѣка, какъ Карамзинъ, на верху почестей и славы. Золотыми буквами должны онѣ быть написаны, не только въ кабинетѣ ученаго, но даже и всякаго дѣйствующаго на какомъ бы то ни было поприщѣ, человѣка,— да читая ихъ, смиряемся.

Думая съ такою скромностію о великомъ трудѣ, которому посвятилъ онъ свою жизнь, который завѣщалъ потомкамъ въ драгоцѣнное наслѣдство, котораго достоинства я старался представить вамъ теперь въ кратцѣ, Карамзинъ однакожъ любилъ его сердечно, что выразилъ очень трогательно въ письмѣ къ Дмитріеву: »Работа сдѣлалась для меня «опять сладка: знаешь-ли, что я со слезами чув-«ствую признательность къ небу за свое истори-«ческое дѣло! знаю, что, и какъ пишу, въ своемъ «тихомъ восторгѣ не думаю не о современникахъ, «ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь «своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и чело-«вѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей «Исторіи: она есть, и довольно для меня. За не-«имѣніемъ читателей, могу читать себѣ, и разсуж-«дать, гдѣ и что хорошо. Мнѣ остается просить «Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущ-«номъ хлѣбѣ, до тѣхъ поръ,

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Пропѣвъ умолкнетъ навсегда.«

Скромность и смиренie въ послѣднie годы его жизни достигли высочайшей степени. Вотъ что писалъ онъ въ 1819 году при извѣстiи о разныхъ на него доносахъ:

«Будучи и моложе я не хотѣлъ сражаться съ »нашими литературными забiяками. Пусть они »единоборствуютъ. . . . вступаются будто бы за »Iоанна Грознаго. И тутъ ничего не предпри- »нимаю: есть Богъ и Царь! Если моя такъ назы- »ваемая слава мыльный пузырь, то Богъ съ нею. »Желаю не сердиться, и кажется едвали сержусь.«

Въ другомъ мѣстѣ онъ отвѣчалъ И. И. Дмитрiеву:

«А ты, любезнѣйшiй, все еще думаешь, что мнѣ «надобно отвѣчать на критики. Нѣтъ, я лѣнивъ; «хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благо- «дарнымъ, умѣю несердиться и за брань. Не мое «дѣло доказывать, что я, какъ Папа, безгрѣшенъ. «Все это дрянь и пустота. Такъ мнѣ часто кажет- «ся; желаю, чтобъ и всегда казалось.»

Вотъ еще замѣчательныя слова, кои могутъ занять мѣсто въ нравственной Психологiи, показывая новую черту въ движенiяхъ сердечныхъ, которая не была замѣчена или выражена ни кѣмъ изъ нравоучителей.

»Я лѣнивъ, гордъ смиренiемъ и смиренъ гордо- «стiю. Суетность во мнѣ есть къ сожалѣнiю; но «я искренно презираю ее въ себѣ, и еще болѣе, «нежели въ другихъ; слѣдовательно она покрайней «мѣрѣ не сведетъ меня съ ума!»

Послѣ скромности скажемъ объ его умѣренности: »Правило жить день за день есть верхъ

»мудрости, до котораго желаю достигнуть. Я очень, »очень счастливъ, когда умомъ и сердцемъ нейду »въ даль, когда жена, дѣти и друзья здоровы, и »пять блюдъ на столѣ готовы. Взглянуть въ умную »книгу, подумать, иногда поговорить не глупо: »вотъ роскошь! къ ней можно прибавить и работу, »безъ всякаго отношенія къ самолюбію. А на томъ »свѣтѣ толи будетъ? Вотъ рецептъ, который пишу »для себя ежедневно, но который не всегда вылечиваетъ меня отъ меланхолическихъ припадковъ.«

Спокойствіе и преданность въ волю Провидѣнія водворялись въ его душу со всякимъ днемъ болѣе и болѣе. Привожу еще нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ:

»Лучшій мой день, который провожу дома, и лучшій часъ, когда всею душею предаюсь въ волю »Провидѣнія. Что бы чувствовать всю сладость »жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое »успокоеніе въ объятіяхъ отца! Въ мои веселые и »свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли »о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума »авторству.«

Одна только мысль объ отечествѣ его занимала, и никогда не покидала. Вотъ что писалъ онъ къ Тургеневу въ 1825 году: »Для насъ Русскихъ »одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ »ней, мечта, привиденіе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, »нѣтъ человѣка. . . .«

Въ послѣднемъ письмѣ къ Дмитріеву онъ изъявилъ желаніе »да будетъ славенъ Николай между « вѣнценосцами-благотворителями Россіи. «

Предложу наконецъ, не опасаясь утомить ваше вниманіе, отрывокъ изъ письма Карамзина къ одному знаменитому его другу, Графу Каподистрія, переведеннаго Жуковскимъ, и написаннаго за полгода до кончины; гдѣ видна душа его въ полномъ свѣтѣ.

Сказавъ нѣсколько словъ о разлукѣ, Карамзинъ продолжаетъ: »Хотя другъ и далеко, но объ насъ »помнитъ, а мы безсмертны. Соединеніе душъ не »прекращается съ жизнію матеріальною: пере»жившій сохраняетъ воспоминаніе, отшедшій быть »можетъ болѣе выигрываетъ, нежели теряетъ. »Земные путешественники слишкомъ разсѣяны: »имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не прежде »какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться »вполнѣ привязанности своего сердца: тогда рас»терянное во времени будутъ отыскано въ вѣчности.

. . . .

»О какъ я люблю еще моихъ товарищей путе»шествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь, »какъ вся душа моя полна жалости для столь»кихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ! . . . »Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на »нее съ какимъ то радушіемъ, и любя повторять »съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ »отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я до»пиваю по каплѣ сладкое бытіе земное, и радуюсь »имъ по своему, не примѣтно для зависти. Подходя »къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что

»онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ быть ошиба-»юсь, но совѣсть моя спокойна, милое отечество «ни въ чемъ не упрекнетъ меня, я всегда былъ «готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего «характера, за который ему же обязанъ отвѣт-«ствовать.»

Въ послѣднемъ письмѣ къ Дмитріеву, за мѣсяцъ до кончины Карамзинъ пишетъ: »Говорятъ мнѣ, «и самъ, чувствую, что хорошобъ было мнѣ «удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для «совершеннаго выздоровленія, но куда и какъ? «наши способы! мой характеръ! Александра нѣтъ! «Всѣ мои отношенія перемѣнились.* Но остался «Богъ тотъ же и моя вѣра къ нему таже. Если «надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, «то смиряюсь въ духѣ и не ропщу. Не могу го-«ворить съ живостію, задыхаюсь. Брожу по ком-«натѣ, читаю много, имѣю часто сладкія минуты «въ душѣ: въ ней бываетъ какая то тишина неизъ-«яснимая и несказанно пріятная.«

Эта земная тишина, Милостивые Государи, была уже предвѣстницею другой тишины, которая вѣрно ожидала его въ небѣ. Онъ скончался вскорѣ, 1825 года, Мая 22 дня. Предлагаю описаніе кончины Карамзина словами его воспитанника Жуковскаго:

«Съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ я умира-«ющаго Карамзина, и никогда это видѣніе не из-

---

* Карамзинъ не долго оставался въ этой неизвѣстности. Царствующій нынѣ Государь Императоръ, немедленно по вступленіи на престолъ, успокоилъ Царски знаменитаго труженика, относительно судьбы его семейства.

«гладится изъ души моей. При мысли о кончинѣ «такаго человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ «миръ, гдѣ у отца *обителей много*, всѣ наши понятія «о жизни, смерти и безсмертіи преображаются для «насъ во что то свѣтло-очевидное. Кто зналъ вну-«треннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ всегда «онъ былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ; «какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли «движенія сердца, были по какомуто естественному «сродству согласны съ правилами строгаго разума, «какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ «нѣжнѣйшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при «всей высокой своей мудрости) простосердечный «младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ «владычествовала въ его жизни, управляя желанія-«ми и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая «житейскія его радости и печали, и соединяя все «его бытіе въ одну гармонію, которая только съ по-«слѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы «на вѣки продолжаться въ мірѣ иномъ, словомъ, кто «имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карам-«зина, для того зрѣлище смерти его было освяще-«ніемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ «жизни и подтвержденіемъ всего, что Вѣра обѣ-«щаетъ намъ за гробомъ. На камнѣ, покрывающемъ «остатки Карамзина, вырѣзаны слова Спасителя: «*Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.*«

Я вижу слезы на глазахъ вашихъ, Милостивые Государи! Что я могу прибавить къ этому красно-рѣчивому волненію сердецъ вашихъ. . . Лучше умолкнуть. . . Прерываю мое слово. Карамзинъ принадлежитъ всей Россіи, но вамъ, Милостивые

* Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ

Государи, принадлежитъ онъ преимущественно. Здѣсь онъ родился; здѣсь получилъ начальное воспитаніе, и обогатился впечатлѣніями дѣтства и юношества, столь важными въ жизни человѣческой; между вами нашелъ онъ себѣ перваго друга и совѣтника въ литературныхъ занятіяхъ; между вами нашелъ онъ себѣ перваго путеводителя, который ввелъ его въ Московское ученое общество и далъ направленіе его дальнѣйшимъ образованію и ученію, * вы наконецъ предупредили своихъ соотечественниковъ въ благомъ намѣреніи воздвигнуть общественный памятникъ знаменитому гражданину, и приняли самое дѣятельное участіе въ его исполненіи,—на васъ разумѣется должно было подѣйствовать самое простое воспоминаніе о жизни и трудахъ Карамзина. Но я увѣренъ, что и всякой изъ нашихъ соотечественниковъ, въ которомъ бьется Русское сердце, которому мило Русское слово, которому дорога Русская слава, кто любитъ свою святую Русь, кто преданъ просвѣщенію, воспоминая благодѣянія Карамзина, всегда произнесетъ ему внутренно свое русское сердечное спасибо, которое лучше, выше, сильнѣе, дороже, не только моего скуднаго Слова, но и всѣхъ витійственныхъ Панегириковъ Греціи и Рима,—искренняя, свободная дань хвалы, чести, признательности и любви.

Пусть памятникъ, теперь ему, соизволеніемъ Императора Николая, здѣсь поставленный, одушевляетъ вашихъ дѣтей и всѣ слѣдующія поколѣнія въ благородномъ стремленіи къ высокой цѣли Карамзина! Пусть духъ его носится всегда

(*) Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

въ Россіи! Пусть онъ останется навсегда идеаломъ Русскаго писателя, Русскаго гражданина, Русскаго человѣка,—покрайней мѣрѣ долго, долго, заключу его же выраженіемъ, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 22 Декабря 1845 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

